

ЕФИМ ЗЛАТКИН

Из Израиля
— в страны дальние

ЖАНРОВЫЕ ФОТО И СТИХИ ИЗ БЛОКНОТА

Тель-Авив 2022

Ефим Златкин

Из Израиля — в страны дальние

Жанровые фото и стихи из блокнота

Дизайн обложки *Мария Блувштейн*

Израиль, 2022 — 200 с.

© Ефим Златкин, 2022

© Все права сохраняются за автором. Данная книга или любая ее часть не может быть воспроизведена в какой-либо форме без письменного разрешения автора.

© Издательство «Beit Nelly Media», 2022

*В жизни я ищу красоту,
В людях, городах и странах,
Весь мир, конечно, не обойду,
Но ради фотографий — очень постараюсь!*

Слово автора

Любовь к фотографии я унаследовал от своего отца Давида. Инвалид войны, он ходил пыльными белорусскими дорогами, казалось бы недавно взрытыми гусеницами немецких и наших танков, с увесистым «Фотокором» в вещмешке. Этот первый в СССР фотоаппарат, выпущенный миллионным тиражом, меха которого при съёмке нужно было растягивать и стягивать, как меха гармони.

Отец упорно обходил одну бедную деревню за другой, ещё беднее, и где-где всё-таки находились женихи и невесты, желающие запечатлеть себя на двойном портрете в момент первого послевоенного счастья. Редко, для фотокарточки сыну, снимались мужья с женами, ещё реже — вдовы. Домой возвращался если не с деньгами, то с картошкой, так что не слишком прибыльное своё дело не бросал и в надежде на лучшие времена обучал ему и меня.

Однажды вместо картошки и денег он привез из своей «командировки» кусты акации и посадил их вокруг нашего дома. Поздней весной или ранним летом мы выходили на порог и вдыхали, словно пили густой целебный сироп, сладкий запах белых гроздьев

А я часами просиживал рядом с отцом в тёмной лаборатории, проявлял плёнки, печатал фотографии, учился по запаху определять проявитель и закрепитель. Может, поэтому в моём будущем уже всё было predetermined?

В семнадцать лет уехал в Минск, стал профессиональным фотографом, потом журналистом и всю жизнь не расставался с фотоаппаратом и блокнотом.

Более 25 лет работал в российских и белорусских изданиях, являясь членом Союза журналистов СССР.

В Израиле с 1990 года. Двадцать пять лет тому назад открыл страховое агентство «Златкин Ефим — битухим».

Вместе с клиентами, которые, кроме полисов страхования машин, приобретают у нас медицинские программы для выезжающих за границу, нередко тоже выезжая с ними

А в перерыве между работой и путешествиями вспоминаю свою журналистскую деятельность, пишу книги.

Перед вами уже пятая! Она, конечно, не вместит десятки тысяч фотографий, сделанных мной за полвека, а точнее — с 1966 года. Но в ней вы увидите самые последние фотоснимки, запечатленные мной в странствиях недавних лет.

А в начале 2020 года грянул COVID-19. И заграничные поездки пришлось отложить. Но все хорошо поняли, что не следует ничего откладывать на потом! К общей радости мир путешествий постепенно восстанавливается, хотя не все дороги ещё открыты.

Так давайте отправимся в путь! Как? Виртуально! Открываем мою новую книгу — и летим! Куда? В Париж, Лондон, Вену, Венецию, Москву, в Болгарию, Беларусь, Грецию, Грузию, Литву, Иорданию, Испанию, на Шенерифе, в Марокко, Занзибар, Японию, Китай, Таиланд...

New York

London

Montréal

Paris

Roma

*Эйфелева башня —
королева столицы!*

Париж! Ты бесподобно красив!
Эйфелева башня — королева столицы!
Но мне ближе ир¹ Тель-Авив,
И загорелые еврейские лица.

Стоит галдѣж на Елисейских Полях,
На Монмартре, в Лувре, Версале!
Париж, тебя можно гулякой назвать?
Не зря ты напоминаешь Израиль!

¹ Ир (יר) — город (иврит).

И у нас на французском говорит народ,
Правда, не такие галантные мужчины,
Зато пишем всей страной наоборот,
Как писали ещё в эпоху царя Давида!

Чем запомнить тебя, Париж?
А может, совсем не нужно?
Какие тайны ты хранишь?
Поведай, чтобы не было завидно...

Взлетают тени парижских куртизанок —
Фавориток, любовниц французской знати.
А в салонах новоявленные аристократки.
— Гуляй, Россия! Олигархи за всё заплатят!

Елисейские поля, Триумфальная арка
Объятия мне свои раскрывают
Какая разница — июль, сентябрь или март?
Вдоль Сены путь мой пролегает.

В столице — такие разные лица!
Но гостей больше, чем парижан.
— Куда дальше? Конечно же, в Версаль, —
Улыбнулся турист Витя, взлетели его ресницы...

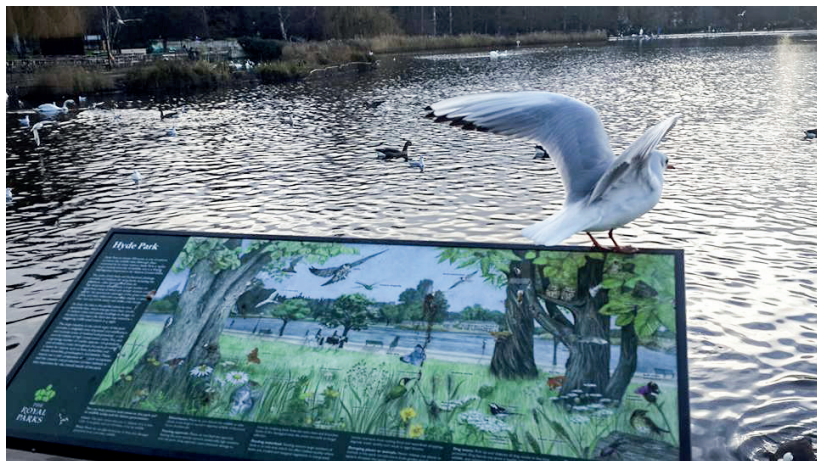
Над Темзой плывёт молочный туман

Над Темзой плывёт молочный туман.
Биг-Бен вдали висится великаном.
Всё, что вижу — явь или зрительный обман?
Лондоном я восторгаюсь, как дитё малое!

Старинные кварталы на каждом шагу.
Но не вижу ни маркизов, ни лордов,
По британской столице иду, иду, иду
И — ни одного англичанина чопорного.

Сын Африки — важный и гордый —
Управляет автобусом огромным.
За стойками баров и ресторанов —
Разноцветный народ иностранный.

Тауэр, Гайд-парк, кораблики на Темзе —
Многоликий город эмигрантов.
В Англию я не одиножды съездил,
Но остаться здесь не было шансов.

А если бы они и были?
Поверьте: мне лучше жить в Тель-Авиве!

Рауль, что передать в Израиль?

Окутан туманом город,
В Лондоне — жуткий холод.
Набросив пальто на плечи,
Рауль Валленберг вышел под вечер.

И остался стоять на улице вечно
Памятником с траурными свечами.
Дипломата, спасителя сотен тысяч евреев
Завезли в Москву, сгноили в тюремных стенах.

Рауль не один на остановке конечной,
С ним тени — со звёздами шестиконечными.
До встречи, королевский Лондон!
У тебя — такой туман и холод?

Но ты — самый лучший, самый добрый —
Про героя-дипломата первым вспомнил!
Мы вдвоём на остановке конечной.
Я улетаю — он остаётся здесь навечно.
Хавер² Рауль! Что передать в Израиль?

² Хавер — друг (иврит).

Жёлтые листья, как нашивки евреев

Венская осень, жёлтые листья...
Дождик прошёл — город умылся,
Столики, стулья в полночь поплыли.
Шуберт и Моцарт, вы здесь бродили?

Мелодии божественной музыки
Диктовали Бетховену эти узенькие улицы?
Ах-х, Вена-краса: дворцы, галереи...
И жёлтые листья, как нашивки евреев.

А помнишь Штрауса? Короля «Венского вальса»?
Мировая столица арий и романсов.
В октябре у тебя особенно красиво —
Вот и я приехал с туристами из Тель-Авива.
Ах-х, Вена! Ты так прелестна!
Теперь свободно? Раньше было тесно?

Вслушиваюсь в язык немецкий —
Он такой отрывистый и резкий.
Ухоженная Австрия — страна зелёных парков,
А мне кажется: рядом лают овчарки?

Где вы, утончённые европейские евреи?
Вас нет? Вы в облака улетели?
Грустно в мемориальном музее,
Посетителей мало, только убиенных тени...

*На «чужих» в Нью-Йорке
и «своих» — в Иерусалиме*

Вспомнил советское время?
Когда на устах было: «Вена! Вена!»
В парадную дверь капитализма
Ломились отчаянные дети социализма.

Голодные взгляды, одежда мешковатая,
Счастливые лица: — Прорвемся, ребята!
Вы в Израиль? Мы не с вами!
Смотрят восторженными глазами:
— Улетаем только в Штаты!
Заканчивается век двадцатый...

Другие Тель-Авивом, Хайфой бредили,
Страной, где золотые пески и вечные оливы.
Вена! Вена! Ты зачем нас разделила?
На «чужих» в Нью-Йорке и «своих» —
в Иерусалиме.

Прага, еврейская ратуша

Прага, еврейская ратуша, циферблат.
Стрелки ушли на столетия назад...
Туда, где нет ни ракет, ни интернета,
Но на иврите уже были часы эти.

Играли дети в венецианском гетто...

У гондольера широкополая шляпа,
А сам он в красочном кафтане.
— Был в Ватикане? Видел Папу?
Как вижу, ты — иностранец?

Меня зовут Джино,
Что уже посетил в Риме?
Посмотрел на меня пытливо:
— Еврей? Из Тель-Авива?

Поплывём с тобой к синагоге старой?
Увидишь стену с проволокой колючей.
— Никого из евреев не осталось,
Только старая седая Лючия.

— В бывшем гетто Мемориал, открыли музей,
Продают ваши сувениры.
Но больше не живут там евреи,
Останавливаются только туристы.

...А в белой песочнице играли дети,
Как те, что погибли в венецианском гетто.

Бамберг — младший брат Иерусалима!

Миллион красных роз в сказочном розарии
В городке Бамберг — в немецкой Баварии.
Он по праву младший брат Иерусалима —
На семи холмах, а внизу — зелёные равнины.

Под ногами — брусчатка, средневековые Храмы.
И вдруг слышу: «Мама! Мама!»
— Вы «русские» немцы или евреи?
Извините, если вас как-то задели.

— А вы из Иерусалима, похоже?
У всех израильтян такая... бронзовая кожа?
— Здесь удивительно красиво:
Холма, леса, готические шпили.

Бамберг — это же немецкая Венеция!
Гондолы, мостики, переходные лестницы.
— Да! Очень яркие места, мило!
Но скоро мы будем жить в Тель-Авиве.

Германия — страна хорошая,
но для евреев — чужбина.
Вот так странно мы здесь поговорили...

Синеглазая Болгария

Синеглазая Болгария! Я в тебя влюблён!
В твои горы, обычаи и песни.
Я хотел бы на твоей земле построить дом,
А ещё лучше жить с самого раннего детства.

Полной грудью здесь мне дышится,
Хлебосолье — через край,
Речь почти родная слышится,
Сладок пышный каравай!

Здесь защитили бы меня во время войны,
Как защитили всех болгарских евреев,
Здесь не услышал бы слово: «Жи-ды!»
И с ранних лет намного был бы смелее...

На снежном курорте Бански

На снежном курорте Бански в Болгарии
Я встретил прекрасную Наталью.
Потрескивали дрова в старом камине,
Своё плечо она к нему прислонила.

Вот так встреча на горном перевале!
Где воздух дышит снежной прохладой,
Пьянящим вином мы слегка согрелись,
Закусывая его израильским шоколадом.

Не перешли за красную дорожку,
Посидели чинно-тихо у камина.
Я читал девушке свои стихотворные строчки,
А она улыбалась мне мило...

Я рассказывал о музеях Лондона и Парижа,
Про Мёртвое море, Иерусалим и Тель-Авив,
А девушка — про Москву, Сибирь,
катание на лыжах.
Только мой рассказ её мало удивил.

Огонь угасал постепенно в камине,
Красавица Наталья смотрела вдаль:
— Может, ты и поэт, но... странный мужчина!
Спасибо за вино! Мне вечера... жаль!

Стало холодно. Догорели дрова.
Всё прошло — осталась зола.
Наталья с бокалом ушла,
Только мелькнуло её платье в кружевах...

Грустные гармоники

Молодые музыканты из России,
Жалостно играли в центре Софии,
Грустная музыка лилась в парке,
Всем было холодно, а мне стало жарко.

О чём вы играете на славянской чужбине?
О забытой деревне, о далёкой России?
Ваши гармоники словно плачут навзрыд.
Видно, никому не нужны вы в Софии,
Даже у меня сердце за вас болит.

За окном — утренняя тишина

За окном — тишина!
Подступает серый рассвет.
Меня сюда снова позвала судьба
Через много-много лет.

Золотые пески,
Сны, как в детстве, легки.
Бьют горячие подземные воды.
Прощай, Болгария!
Я с тобой расстанусь на годы!

Синее небо, овечьи отары

Синее небо, овечьи отары,
Домой возвращаются чабаны.
На головах — папахи, на плечах — бурки.
— Спасибо России! Спасла нас от турок.
Хорошее помним, братья-славяне,
А что ещё будет, даже Ванга³ не знала?

³ Ванга — слепая болгарка, которой приписывают дар предсказания.

София, центральная синагога

София, центральная синагога,
Я с фотокамерой возле ее входа.
Вверху шестиконечная звезда моего народа,
А в сердце — невольная тревога.

Как тогда, когда стояли эшелоны на перроне,
И вышли болгары власть переспорить!
Евреев ждал Освенцим, Майданек, Трешлинка,
Дети от страха тряслись, как былинки.

От мала до стара — Болгария всех спасала.
Как это было, мне синагога рассказала...
Всей страной легли на рельсы,
Болгары с евреями — вместе!

В Храме ярко горят свечи

В Храме тихо горят свечи,
В болгарской Софии вечер.
С Богом наедине белокурая Ева,
Она просит у Него что-то несмело?

Девушка уверена: Он услышит!
Вокруг неё всё святостью дышит.
— И о чем ты молишь, Ева?
— О ветвях семейного древа.

И о стране, что на перекрестке мира,
С древней столицей — Иерусалимом!

Страна трёх морей

Давно хотел увидеть страну трёх морей
И древних античных Храмов!
Не только я — целый самолет из Тель-Авива
Вылетал в феврале утром ранним.

Белый город стоял у подножия гор,
На его вершине золотился Парфенон!
Но больше всего меня удивили
Таверны. Как в них греки пели песни и вино пили!

Маги перенесли меня в древние века?
Я в Акрополе — под голубыми небесами?
По залу плывёт гречанка? Она юна, гибка,
И словно подзывает меня своими каблучками...

Богемная элита?

Зевс? Аполлон? Афина? Афродита?
Не вы ли начали богемную элиту?
Боги шутят, поднимают рюмки,
На меня они смотрят, как на недоумка?

— Мы, видно, тебе приснились?
Жизнь не нова — она идет по кругу.
А внизу роскошные Афины бурлили.
Э-эх, зря меня разбудила супруга.

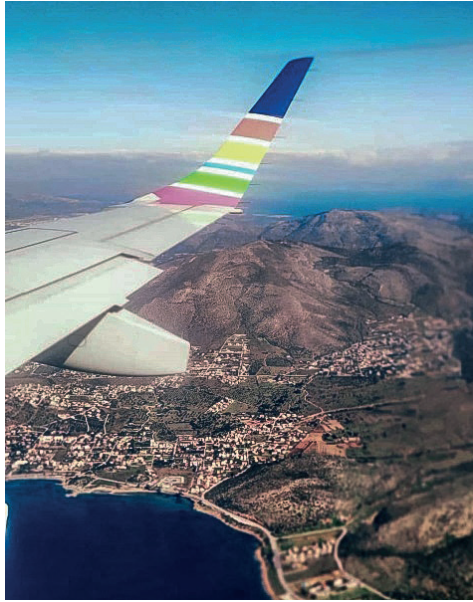
Есть в Афинах чудо — смена караула

Есть в Афинах чудо — смена караула:
Лихие гвардейцы — у Дворца президента!
Красные башмаки, диковинные кафтаны —
На главной площади туристы собрались.

Оркестра военного музыка — лихие парни в марше!
Шапочки-фески, карабины, патронташи,
Юбки-фустанеллы, белые чулки,
Стучат подбитые стальными гвоздями каблуки...

Эллада-царица!

Эллада-царица! До новой встречи!
Мраморный Акрополь — твоя корона!
Будьте счастливы, друзья наши греки,
Такси уже мчит меня к аэродрому.

Где я раньше был долгое время?
Меня привлекали дальние страны?
Но Афины — это божественная поэма!
Не зря они так любимы Богами?

На колоннах — выцветший мрамор —
Тысячелетние серые шрамы.
Что ещё можно сказать про Афины?
Всего полтора часа полёта до Тель-Авив.

Беларусь — страна белая

Ракеты в космос летят то и дело,
Дома вслед за ними поднимаются в небо,
А по траве ходит лошадь белая,
И люди живут, как жили деды.

Полотна Левитана на воде

Беларусь, люблю твои голубые рассветы!
Левитана полотна мне чудятся на воде.
Какие мне найти слова и рассказать трепетно,
Что красоты такой нет на земле нигде!

* * *

Берёзовый край! Светлый и зеленый,
Ты ко мне снова вернулся наяву?
И я вспомнил! Всё вспомнил!
Как будто и не улетал в 1990 году.

Тогда меня позвала земля моих предков,
Но в Беларуси тоже их есть могилы.
В Тель-Авив я улетал не на разведку,
Оставляя здесь годы своей жизни.

Кукуй, кукушка-подружка!

Так всё знакомо: поле, лес, дорога!
Скошенное сено серебрится в рулонах.
Утреннее солнце осветило округу.
Босоногим я вновь бегу по лугу.

Вокруг тихо-тихо, мягкие травы.
— Добрый день, зелёные дубравы!
К вам я вернулся! Меня вы узнали?
— Почему же, помним, как уезжали...

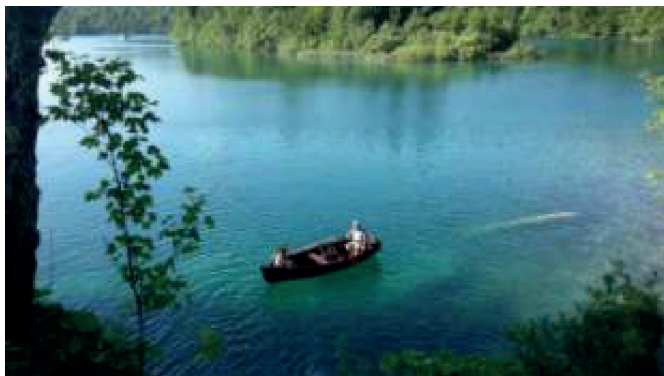
Почему приехал снова?
Загрустил под старость?
— Беларусь — мой дом!
Здесь не чувствую усталость,

Здесь я родился, здесь мои корни.
— Уважаем! Хорошо, что помнишь.
А вот и кукушка голос мне подала.
Кукуй, кукушка-подружка! Кукуй, не умолкая.

Синий закат, синий закат

Синий закат, синий закат!
Ветви березы, словно девичьи косы.
Солнце бросает свой последний взгляд
И уходит за горизонт... рыжеволосое.

На исходе лета

Люблю я дальние страны,
Но частицу сердца лазурному краю оставил —
Краю голубых рек и зеленых лесов.
К нему я возвращаюсь вновь и вновь.

Утром стоит такая тишина!
Кажется, нет никого на свете.
Рыбацкую лодку подгоняет волна.
Здравствуй, Беларусь, на исходе лета...

Мои зимы и вёсны

Незаметно пролетели мои зимы и вёсны.
Полжизни — здесь, полжизни — там!
Я помню вас, берёзы и сосны,
И память эту внукам-правнукам передам.

Не забуду Беларусь с туманом над крышей,
С белым аистом, улетающим всё выше и выше.

Из ваших мест мои деды

Из ваших мест мои прадеды, деды,
Давно травой заросли их следы.
Но почему не отпускают меня белорусские росы?
Бог мой! Я не могу ответить на эти вопросы.

Пчелы кружатся в вечном танце —
Видно, они обрадовались нашей встрече?
Больше я не чувствовал себя иностранцем,
В тот тихий летний вечер.

Дай мне руку на прощание, Беларусь!
Ещё немного и я с тобой расстанусь.
Ты знаешь: к тебе я обязательно вернусь!
А на сердце грусть и непонятная жалость.

Что не скоро увижу полет журавлей
И твои бездонные голубые озёра.
Я возвращаюсь в страну моих детей.
Чтобы жить и дальше у Средиземного моря.

Но я счастлив сейчас, как никогда,
И могу только гордиться:
Две Родины есть у меня
И есть у меня две столицы!

Рубиновые звёзды

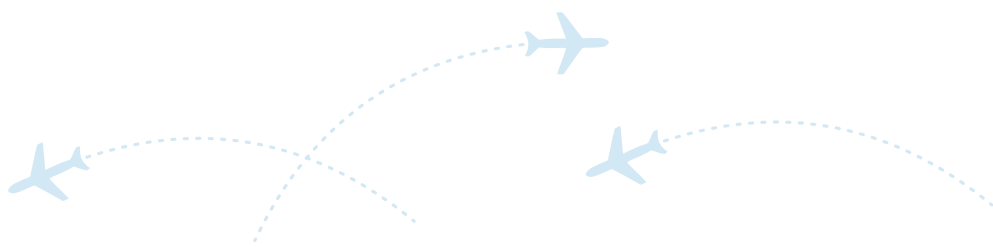

На площади Красной — рубиновый свет
Ложится от башенных звёзд,
Парада Победы как будто бы след?
А я вижу дорожку из женских слёз?

Моя столица? Нет, не моя —
Израильский даркон в штанине.
Перед Кремлём в раздумье постоял:
— Был ли я твоим родным сыном?

Москва называла меня космополитом,
Кривила душой, терпела, как могла.
Сажала в тюрьмы за одно слово на иврите.
И всё лгала, лгала, лгала...

На площади Красной — рубиновый свет,
А в сердце — обида и грусть.
Прошло много зим, много лет,
Чужая столица, я к тебе не вернусь.

С высоты кремлевской ограды

За стеной кремлевской ограды,
Небожители взирают с высоты,
Для них ушли овации, парады,
Знамена и лозунги тоже позади.

Вы же были на такой вершине!
Великая страна простиралась у ваших ног.
Союза — нет! Не та уже Россия,
И в Храм Христа Спасителя забыл дорогу Бог?

Лоскутья остались вместо огромной державы?
Вчерашние братья стали врагами?
Вот бы удивился Гришка Распутин,
Ничего ведь не изменилось по сути...

...Я не подданный ваш. Чужестранец.
Но поверьте, Россию мне жаль.
— Поддай на чай, — протягивает руку оборванец.
В глазах его — боль и печаль.

— Я милостыню у людей прошу —
Страна стала черствой и жестокой.
Вот грустные песни пою
О своей старости — бедной, одинокой.

Велик ты, Булат Окуджава!

Велик ты, Булат Окуджава!
Мне и до плеча не достать.
Тебя не испортила громкая слава,
Всё та же походка и статья.

«А годы проходят, как песни...»⁴
— Булатовы годы прошли.
И мне постоять рядом лестно
С Великим поэтом страны.

⁴ Слова Булата Окуджавы.

Шалом, Залман!

То, может быть, мой дед так уходил на войну?
И вшей он кормил в окопном снегу.
Уходил воевать за Родину-мать,
А Саре и местечку велел подождать.

С германцами мой дед воевал за Россию.
Мой отец истекал кровью в бою за Москву.
Россия для меня совсем не Мессия,
Но и забыть её я никак не могу.

Россия, Россия, Россия!
Как много в этом слове для еврея!
Только бы ты никогда не забыла,
Как за тебя мы жизнь не жалели!

Я у столпа российскому солдату —
Мешок с махоркой, ружьишко и скатка.
То, может быть, мой дед так уходил на войну?
Шалом, Залман! Я возле тебя немного постою.

Бабы новых солдат нарожают...

Я только что вернулся из Китая —
Страна гигантские делает шаги.
И вдруг китаянки, так открыто улыбаясь,
Встречают меня в центре Москвы.

Взявшись за руки, они танцевали
Возле понравившейся им статуи.
Я думаю, они бы быстро убежали,
Если бы знали, кто на коне гарцует?

Маршал Жуков? Победитель! Герой?
Но, как говорят военные архивы,
Сколько ребят из-за него не вернулось домой,
Сотни тысяч только полегли в Берлине.

Китайки об этом ничего не знают.
Им про маршала никто ни сказал.
Я ведь тоже из другого края,
Хотя мой отец под Москвой воевал.

А в России, как и раньше, утверждают:
— Бабы новых солдат нарожают.

Жребий твой, Россия, холоден и строг

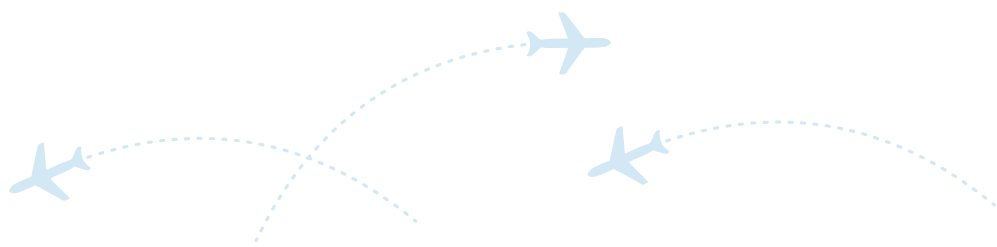

За большой оградой — монастырский крест,
На кресте наш родич некогда воскрес.
На кресте — Россия, на кресте дорог.
Жребий твой, Россия, холоден и строг.

Матушка Россия! Ты — необъяснима
Ни для стран чужих, ни для себя.
У тебя необыкновенная сила
И какая-то внутренняя слабина?

В белых облаках я вижу печаль,
Святой Храм её никак не разгонит,
Центральная властная вертикаль
Во все века твоих правителей подводит.

Спросишь у меня: «Кто ты такой?
Уехал? И сиди себе тихо!»
Конечно, сейчас для тебя я чужой,
Но три года защищал твои границы.

Конфетки-бараночки

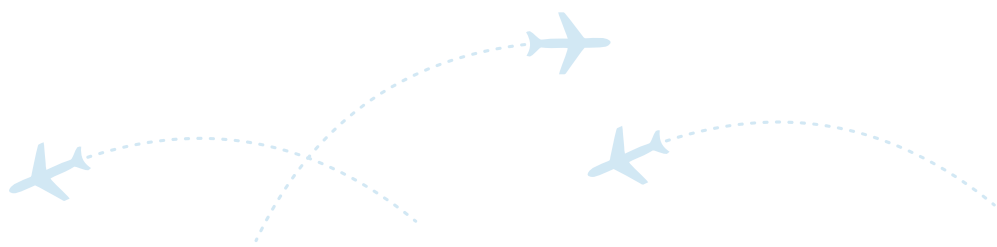
Москва иная, незнакомая —
Под мухинским серпом и молотом,
Татуировкой наколото,
Украшена сусальным золотом.

Вот конфетки-бараночки
На прилавках твоих
Продают карглазочки
С девяностых лихих.

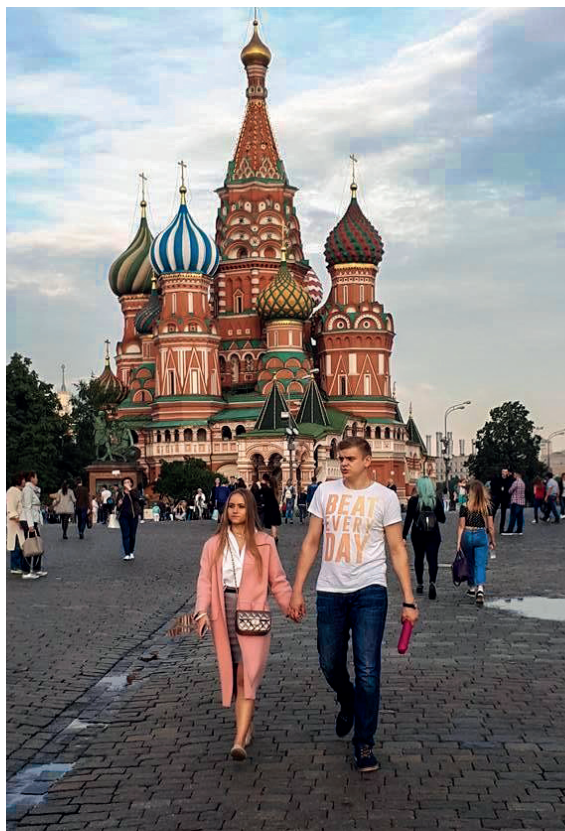
Обманут извозчики — ненадежный народ,
Шулера и доносчики Возле Спасских ворот.
На Кремле звезды красные,
А под ГУМом — цветы.

Лишь девчонки классные,
Как всегда, у Москвы.
Москва разноглазая,
В расцветке цветов!

Ты стала красавицей?
Но для меня... чужой.

Москва — такая разная?

1

Москва — такая разная?
Сумасбродная? Забавная!
России огромной столица!
Другим странам с ней не договориться.

Позади — прошлое величие!
Им кичатся сегодняшние правители.

А простой народ?
Как может — живёт!

2

На Красной площади — брусчатка
Шаги, шаги, шаги.
Каменный помост, Лобное место, площадка
Следы, следы, следы...

Здесь выходили к народу цари,
Оставляли свои головы стрельцы.
На Красной площади многое было.
Что-то помнится, что-то забыли...

3

А я люблюсь этой молодой парой,
Им много не надо — только быть рядом!
Что им прошлое? Старая слава?
Не коренные москвичи — сами из Рязани.

Им бы путёвую работу, да над головой крышу,
Они люди простые — до всего привыкшие.
Взялись за руки — идут двое —
Смотрю на них —
и мне за будущее России спокойно!..

Две реки — Кура и Арагви

Взошло солнце на вершину горы,
Внизу бегут два потока — Куры и Арагви.
Отсюда две соперницы — две сестры,
Бросились в ущелье от несчастной любви.

Две горные реки появились на этом месте,
Две сестры-соперницы снова вместе.
А сегодня на вершине Арагви и Куры,
Ничего не зная, гуляют местные куры...

В том краю-раю

Не родился я здесь и не живу,
Но манят меня горы и долины.
В Грузии легко дышу, много пишу —
Будет что прочитать друзьям в Тель-Авиве!

...Горная красавица — быстрая река
Стремительно бежала в долину.
Есть на земле одна страна,
По ней грустил я даже в карантине.

Там — хрустальные ручьи и водопады;
Там, как юноши, стройные аксакалы;
Там — грациозны девушки, как королевы,
Там от их взглядов даже джигиты робеют.

На крутых холмах — древние Храмы,
Над ними — водопады, ущелья и пещеры.
От дома к дому — спуски, подъёмы, овраги.
И тут творил великий Нико Пиросмани⁶!?

Господи! Но какая божественная красота!
Седые орлы взлетают из-за хребта
И долго-долго парят над нами...
Поверьте! Я бы за ними наблюдал месяцами!

Я назову эту страну — у меня нет секрета.
А может быть, мне кто-то поможет с ответом?
Но... закончились мои интриги:
В том краю живут веселые грузины!

Где зелёные парки и цветущие аллеи,
Где без вина я, ребята, пьянею!

⁶ Нико Пиросмани — известнейший грузинский художник-самоучка.

Гордый народ!

... Дорога петляла на поворотах,
Бежали ручьи, мелькали обрывы,
А водитель Гога рассказывал анекдоты
И обещал нам показать необычные виды.

Говорил: «Посмотри на Грузию с высоты!
Какая прекрасная картина!
От края до края её обойди,
Не увидишь другой такой в мире!»

— Гога! Грузины — люди особой породы?
— Да! Горы нас сделали гордым народом,
От врагов страну защищают высокие вершины.
— Вы так похожи на них, братья-грузины!

Синеокие горянки

Прозрачная вода струилась меж камней,
Водопад гремел ледяным потоком.
Я думал, кто в Грузии всех красивей?
И вдруг увидел двух горянок синеоких.

Они поставили на стол мне кувшин вина,
Бараний шашлык, салат, лобио, хинкали.
Вместе мы дружеские тосты поднимали:
Первый — за Грузию! Второй — за Израиль!

Над горами плыли белые облака!
Какая страна сладкая! Словно пахлава!

Грузинский стол в селе!

Грузинский стол в селе!

Тебе пою я Оду!

Он не предназначен для большого пиршества.

Огурцы, помидоры, зелень прямо из огорода.

И бутылка красного прекрасного вина.

А ещё домашние кукурузные лепёшки.

Такой вкуснятины не я ел никогда.

Рыбу, жаркое попробовал немножко,

Зато кавказские лепёшки уплетал в три рта...

На ногах держался ровно,

Хотя немного кружилась голова.

Батумец Заза был немногословен:

— Эфим! У нас много хорошего вина!

На небе веселилась хохотунья Луна,

В крутом ущелье струилась холодная река,

А за грузинским столом на горном склоне.

Я был, как в родном отцовском доме...

Наливай ещё бокал, брат Гриша!

Облака повисли над дорогой,
Внизу струится золотистая Кура,
Над ней — уходящие в небо горы.
Здравствуй, Тбилиси, принимай гостя!

Сладко пахнет Грузия цветами,
Постукивают каблучками юные Тамары,
На каждом шагу — Баграты! Баграты!
Носить имя бывшего царя все рады!

В старом дворике по улице Батумской
Пьём мы чачу под говор русский,
Поднимаем бокалы, едим хачапури.
За столом тамада — беларус Юрий!

Раскраснелись лица от красного вина,
Тополинный пух поплыл над крышами.
— А я совсем не пьян!
Наливай ещё бокал, брат Гриша!

*Ты был таким большим,
товарищ Сталин?*

Ты был таким большим, товарищ Сталин?
В Москву к тебе приезжали со всех окраин!
Ты был выше всех — куда там горы?
А я к тебе приехал в город Гори.

Вот и твой домик, вагон вождя.
Вокруг унылая тишина,
Возле меня никого — ни души,
— Купи сувенир! — Сколько стоит? — Гроши!

Плохи дела, сувениры вождя
Пылью покрылись — ведь нет дождя.
— Шекель возьми, дай мне свечу,
Жертвам поставлю, — тихо шепчу.

Продавец с коробкой ходит возле вагона,
Навечно застыл он на тихом перроне.
А вокруг солнце! И высокие горы!
Оставайся с миром, город Гори!

Расплескалась в небе синева

Расплескалась в небе синева,
Утро задышало солнечным рассветом.
Чтобы осенью не грустить без тебя,
Побежал в октябре я за батумским летом.

Грузинские девушки очаровательны и красивы!
Чем-то похожи на израильтянок в Тель-Авиве!
Жизнь бьёт возле моря ключом!
Выпьём бокал чачи и снова нальём!

У грузинской Мамы скорбный взгляд

У грузинской Мамы скорбный взгляд.
Много не говорит. Зачем? И так всё понимает.
Вот руки, ноги у неё сильно болят.
А ещё сердце? Как оно страдает?

Жизнь прошла, осталась за поворотом.
Многое видела, а ещё больше пережила!
Кормили лозунгами демократы, патриоты,
А потом на всех навалилась война...

— Изрезали Грузию по-живому,
Отбрали Сухуми и Цхинвали,
Меня, старую, выгнали из дома,
Вот сижую, думаю, вспоминаю.

Женщина в платье черном подняла глаза:
— Голоден? Возьми. У меня осталась
лепёшка одна...

Мамуля Нануля

Возле дома нас мамуля Нануля встречала
Для неё так труден русский язык,
Но глазами она меня понимала
И к её сердцу путь мой был открыт.

Я подумал: «До чего же все мамы похожи!
У них такие натруженные руки.
Для каждой из них — дети всего дороже,
Но ещё больше — внуки и правнуки».

Моя мама Ира уже в далёкой дали,
Но никак я забыть не могу.
Как последний раз она меня встречала
В две тысячи тринадцатом году...

Мама стояла долго у порога,
И всё теребила свой старенький халат.
Мамочка! Я бы отдал много-много,
Чтобы вновь увидеть твой милый взгляд...

Чтобы провести рукой по твоим
шелковистым волосам,
Чтобы укрыть тебя на ночь теплым одеялом,
Чтобы услышать, как ты поёшь тихим голосом
Нашу любимую песню» Аидише мамэ».

Мы уезжали из аджарского села
Нас провожала грузинка Нануля:
— Вот возьмите, лепешки я вам напекла.
Точно также с собой мне что-то давала моя мамуля.

Қақие в Батуми облақа!

Стояло утро, в воде купались берега,
Высокие деревья, воздушные отели.
Батуми украшали пушистые облака,
С ними мы только что сюда прилетели.

Какие сюрпризы на каждом шагу!
Море, музыка, пляски, песни,
Но никак я забыть не могу —
Как плавал отель «Хилтон» в озере местном!

Веселилась шарманка

В Тбилиси веселилась старинная шарманка,
Усатый грузин танцевал с россиянкой,
А в большом ресторане армянском
Готовился шашлык из барашка.

Желтоглазая баловница Кура
Обнимала покатые берега.
Пенится вино в бокале:
— Выпьем вместе, генацвале? —

Поднимает рог Мираб-тамада, —
Все, кто пришёл, мои друзья!
— О-о! Знаешь, какая была царица Тамара! —
Говорит Заза, новый бокал наполняя.

Река Кура подсматривает жёлтым глазом.
Держит тост сам аксакал Важа!
Мне передают целый рог вина,
Как выпить его до самого дна?

— Скажи, что привело тебя в наши края?
— Зачем спрашиваешь? Ваша шарманка позвала.
За столом поём: «Где ты, Сулико?
Сердцу без любви нелегко...»

В столичном Тбилиси гуляем до утра!
— Не зря приехал! — шепчет всевидящая Кура.
Сплетница-луна с нами тоже пиновала,
А королева-шарманка то пела, то смеялась, то рыдала...

Как в кино ожили Али и Нино!

Фото жительницы Батуми Любы Полищук

Этот памятник у меня вызывал эмоций мало:
Фигуры не живые — они из металла.
Народ ходил, цокал языками,
Как обычно бывает в Батуми вечерами.

Али и Нино — как герои кино!
Любовь для них превыше всего.
Что распри отцов — мусульман, христиан?
Не мирится с Библией упрямый Коран.

Нино — христианка, но сила любви
Связала её воедино с Али.
И юноша любит, и дал он обет
Уберечь её от всяческих напастей и бед.

В безбрежную вечность давно уж сошли
Грузинка Нино и мусульманин Али,
Но память хранит о них древний Восток!
В них символ любви, значит, мира исток?

...А сегодня к памятнику Нино и Али.
Рано утром он и она подошли.
Присели на скамейку рядом,
Пронизывая друг друга сердитыми взглядами.

Сентябрь был таким веселым:
Синие волны убегали куда-то вдаль,
Вокруг всё было свежим и зеленым,
И совсем не уместной никакая печаль.

Моросил мелкий дождь возле моря.
А я захотел увидеть чудо снова!
Я просил Бога, я его молил!
И он мне это чудо подарил...

Вдруг устремились навстречу друг другу.
Красавец-грузин и его батумская подруга.
Словно ожили Нино и Али?
На земле ничего нет сильнее любви!

Батуми, Морской бульвар, вечера закат.
Снова иду здесь мимо.
А вот и влюблённая пара — Али и Нино.
Я ловлю их благодарный взгляд...

Есть в Грузии традиция

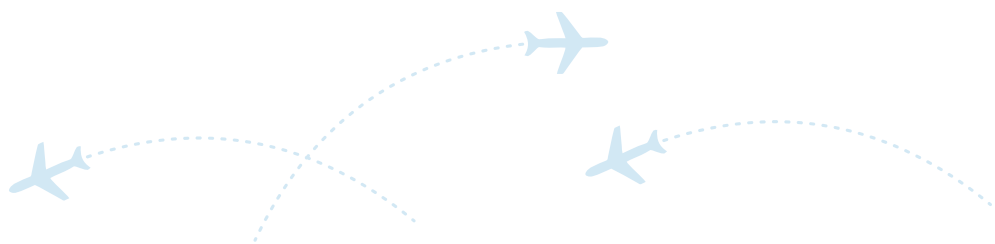

Есть в Грузии такая традиция —
В горы уходит свадебная экспедиция,
На автобусах и машинах
Устремляются к горным вершинам.

В том кортеже семейные кланы
Опекают молодые пары:
В ЗАГСах не хватает гостям места,
В горах клянутся в любви жених и невеста,

Вместе с ними и я лезу в гору,
Горнолыжный костюм мне был бы впору!
— Ты фотограф? Да еще поэт?
Подаришь молодым свой куплет?

До утра — «Мукузани»⁷, стихи, монологи...
Вино лилось в бокалы из рога.
Как домой донесли меня бедные ноги?
А моя жена всю ночь была в тревоге...

⁷ Мукузани — грузинское вино.

В Батуми не дремлют петухи

Спит Батуми, видит сны,
Но не дремлют петухи.
У кого-то под балконом
Утром рано ку-ка-ре-ка-ют «часы».

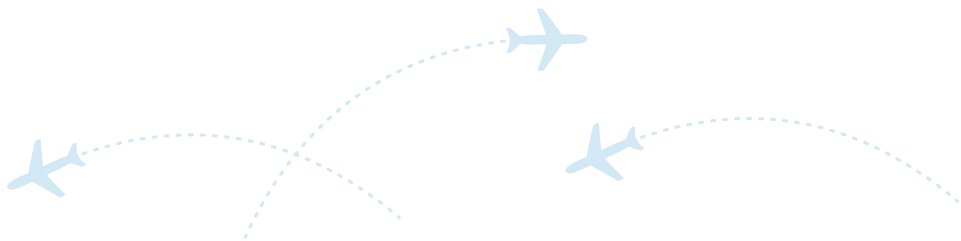
Так орут, что спать нет мочи
Со вчерашней веселой ночи.
Это что же за напасть?
Распевают песни всласть.

Батуми! И тебе не стыдно?
Ты же не село — столица!
Почему твоим петухам не спится
И они кричат так молодо, задорно?

Народ курортный ещё не отошёл от ночи —
Баров и ресторанов не счесть!
А голосистые петухи орут, что есть мочи-
В пять утра, в лучшем случае — в шесть!

Вы, приехавшие в Батуми, молодые неженки!
Не знали, каковы аджарские петухи?
По утрам любовью они не брезгают,
Поэтому и кричат так громко — от души!

А может, и мне проснуться на рассвете?
И, «ку-ка-ре-ка-я» во всю мужскую мощь,
Любить так, чтобы моей соседке Свете
Стало вдруг однажды невтерпеж...

В батумском дельфинарии

Дельфины плачут, как дети,
По утрам, на рассвете
Издают такие жалкие звуки,
Мысленно протягивая друг другу руки.

Они рождены в строгой неволе
И никогда им не быть в море,
А только большими аквариумными рыбками,
Послушными людям — и на команды прыткими.

На празднике детском в обручи
Скачут всегда без робости,
Когда фонари погаснут,
Вспоминают о людской ласке.

Наши близкие друзья по разуму
Долго не держат обиды разные.
Но тоскуют за океанскими далями —
В дельфинарии под батумскими пальмами.

И только смотрят на людей с укором,
Не согласные с их приговором...

В парке возле моря

В батумском парке возле моря
Одинокое дерево стояло.
Я подумал: «Дать бы ему слово,
О чём бы оно людям рассказало?»

— Послушай! Этот кипарис не молодой,
Ему уже 140 лет, как кто-то посадил, —
Старый грузин покачал головой, —
Э-э! Тогда еще отец моего отца жил.

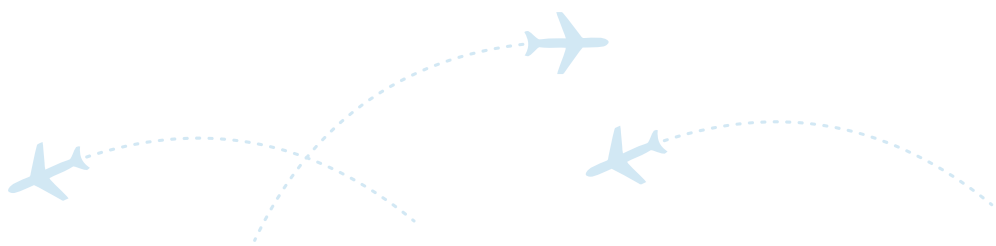
Гнал ветер волны на Морской бульвар,
Туда-сюда неспешно бродили люди.
— Хочешь, чтобы я о себе рассказал?
Пойдём ко мне, друзьями будем!

На крылечке батумского дома
Мне вскинули навстречу руки,
Словно мы всю жизнь были знакомы
И встретились после долгой разлуки.

Затанцевали струны на балконе,
Будто быстрые аджарские кони!
Зацокали по булыжнику подковы,
— Старик, какое счастье быть в твоём доме!

— Знаешь! У тебя такая аура и муза...
— Какой тост! Один бокал тобой заслужен!
Вместо жарких дней и хамсина,
В Батуми меня встретил дождик такой милый...

— Вай-вай! Ты второй бокал тоже заслужил!
Старый грузин мне снова его налил.
А в городском парке столетний кипарис дремал.
Хитрец! Как будет всё, он наверняка уже знал?

С грузинами шли братья-евреи

Соседи Грузии — мусульманские страны,
На юге — Турция, на юго-востоке — Азербайджан...
А сама она — православная, христианская —
Извечно была добычей басурманской.

Сколько раз разрывали её на клочья враги!
Но Грузия гладиатором храбро сражалась на арене.
Как в атаку шли солдаты-кресты.
И всегда с грузинами были их братья-евреи...

В Кутаиси, в еврейском квартале

В Кутаиси, в еврейском квартале
Старая грузинка посмотрела на меня.
— Евреев у нас осталось очень мало
А я ещё помню совсем другие времена...

Присел с ней рядом на скамейку.
Рядом открытая калитка, синагога.
— Моими подругами всегда были еврейки, —
Говорит мне грузинка растроганно.

Уезжали евреи — плакали грузины,
Века мы были одним народом.
Они мечтали жить и умереть в Иерусалиме
Вот вспоминаю — и прихожу к синагоге.

В еврейском квартале — тишина,
Открыта калитка в синагогу, там стоит сукá
Над Кутаиси под облаками Храм Баграта¹.
— Скажи, отсюда далеко до вашего Эйлата?

Вспомнила, там живет моя подруга Роза.
Передай ей от меня привет! Сможешь?
Горный ветерок пробежал по кварталу,
Опершись на палку, старая грузинка
слезы вытирала...

¹ Храм Баграта возведен в Кутаиси в правление царя Баграта третьего, как главный собор объединенного Грузинского царства в 1003 году.

*Я смотрел на грузинок,
царицу Тамару искал!*

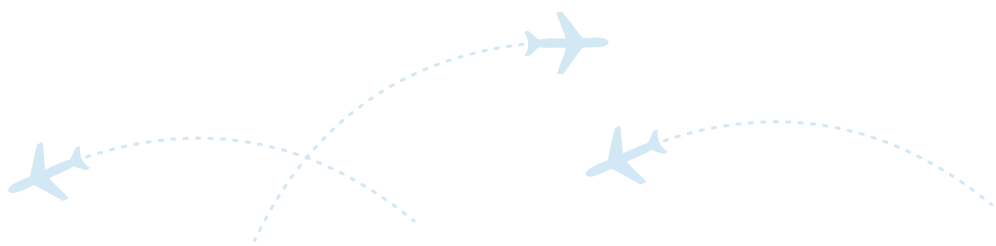

Знаю, в Грузии есть королевы,
Что по тропке скалистой сойти
Могут поступью царственной девы
И предстать на моём пути.

Я смотрел на грузинок, царицу Тамару искал!
Должны же быть похожи на неё горянки!
Признаюсь! Я об этом так мечтал!
И вот одну девушку встречаю в парке.

— Ты Тамара? — Нет, батони! Я — Нино.
Угостить тебя грузинским вином?
В бокале отражались горы,
А на незнакомке я будто увидел... корону?

— Нино, ты не из царского рода?
— Бери больше! Я частичка грузинского народа!
— Но я в тебе вижу вельможную стать!
— Ах, батони, батони!
У нас девчонок с пелёнок, как цариц растят.

Сгубили великое русское чудо

В декабре завьюжила зима,
А в Батуми опять загуляли снега,
Запорошило горы белая вьюга,
Судьба меня вновь привела в эти края.

Здесь Есенин встретил свою Шаганэ?
Говорил ей про волнистую рожь при луне?
Потому, что он с севера, что ли,
Вспоминал про рязанское поле?

Да! Здесь романтика! Кавказ — волшебство!
Красивые женщины, гордые мужчины!
Серёжа! Тогда тебе так повезло,
Что приехал к своему другу на именины.

Батумский чайханщик из медного чана
Наливал тогда розовый чай?
Затянулась твоя душевная рана?
Стал Батуми, как чудодейственный рай?

А когда отцвели южные розы,
Ты навестил петербургский «Англетер»⁸.
Стояли невероятно дикие морозы.
И ничего не заметил... дежурный милиционер.

Был Поэт в России — и его не стало.
Как много раз уже там бывало!
Долго ещё по миру молва гуляла,
Что не сам Есенин лег под белое покрывало...

Серёжа! Ну, зачем? Зачем, ты уехал отсюда?
В свой беспощадный и холодный край?
Сгубили! Сгубили великое русское чудо.
Чекисты в кожанках или душевный раздрай?

Ты уехал, уехал отсюда...
В российский — в такой жестокий край?
А сегодня свершилось новое чудо:
Твои стихи я тебе в Батуми читал.

⁸ «Англетер» — гостиница в Петрограде.

Батуми, ресторан «Шатели»

Ярко светятся окна ресторана «Шатели».
Здесь всё в грузинском стиле.
Друзья мне зайти сюда порекомендовали.
Зашёл, разглядываю гостей, скучаю.

За соседним столом незнакомка.
Она такая изящная и тонкая.
Побродить бы с ней по улочкам Батуми?
Подшучиваю над собой: вот о чём ещё подумал?

Тёплый вечер, музыка в ресторане.
— Вы у нас даже не танцевали?
Подождите немного, будут песни.
Забавно, весело! Ведь вы не местный?

Не дождался песен — ушёл из «Шатели».
На столе осталось вино — его не допили.
А за соседним столом незнакомка.
Она такая изящная и тонкая...

Ну, как там Литва?

У меня дома спросили: «Ну, как тебе Литва?»
Я ответил: «Снега и хутора!
Женщины — необычной красоты
И сурового нрава мужчины.

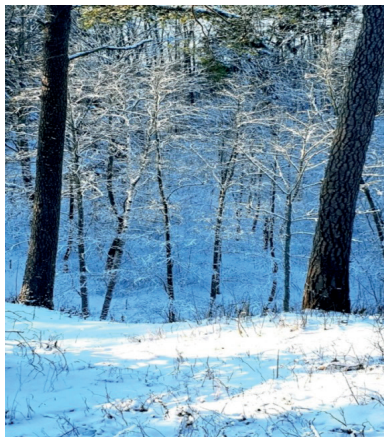
Правда, в Литве зимой не растут цветы,
Но туда их привозят из Тель-Авива».

Литва! Какие у тебя дороги?

Литва! Какие у тебя дороги?
Одни спуски и подъёмы,
Леса вперемешку с хуторами,
Земля вдоволь напоена дождями.

Летние струи побежали за окном,
Свежие лужицы по дорогам поплыли.
А вот в Израиле дождь был так давно!
Без него желтеет трава в Иерусалиме.

Чёрно-белый пейзаж за окном

Чёрно-белый пейзаж за окном,
Лютый холод хозяином бродит.
Когда-то находился здесь мой дом,
И вот сюда я прилетел через годы.

Зимняя сказка разбросала узоры.
Я давно позабыл о них, живя возле моря.
Всё — в покрывале снежном.
До чего же тут воздух свежий-свежий!

Напевный говор тишины —
Ноты на ветви нанесены!
Ни звука вокруг, только музыку слышу,
Лесные струны затронули душу.

Снежинки мохнатые кружатся в вальсе,
Такого волшебства не видел я раньше!
На ветвях запели красные бусы,
Я стоял в лесу — и всё слушал и слушал.

Морозный вечер

Морозный вечер
Обнял мои плечи,
Балтийское солнце заходит несмело,
Вся Литва в платье девичьем — белом!

Утром — хрустящая тишина,
Хутор спит под снежным покровом,
В лесу чуть-чуть присыпана снегом лыжня.
Ну, как это всё мне близко и знакомо!

Сейчас я живу на Обетованной Земле,
Где Всевышний с небес заправляет,
Но белые снега в моём сне
Отчий дом заматают, заматают...

Протяните мне ветви, берёзы!

Протяните мне ветви, берёзы!
И не прячьте свою зимнюю наготу.
Конечно, я не лью о вас слёзы,
Но и мимо пройти не могу.

Вы — визитная карточка России!
Ваш дом — все европейские страны.
Только жаль, что берёз нет в Тель-Авиве,
Зато поднимаются вверх мохнатые пальмы.

Протяните мне ветви, берёзы!
Я обниму вас после дальней дороги.
Вам не страшны ни холода, ни морозы?
А на ветвях я вдруг заметил... слёзы.

Серёжки замёрзли, льдинками стали?
Нежно коснувшись моего лица,
Шёлковые ветви о чём-то зашептали,
И мы долго стояли — я и белые деревца.

Берёзоньки незаплетенные, простоволосые,
На нежных невестушек похожие,
Под покрывалом белым, как свадебная фата —
Провожали меня до самого аэропорта.

Под страстный вой метели

Разбежался в крови адреналин,
Пружинным стало моё тело.
Как хорошо быть молодым!
Бог мой, что ты со мною сделал?

Я с тобой, как с женщиной, Литва,
Разговариваю в утренней постели
И шепчу прекрасные слова
На ушко под страстный вой метели.

Ну и пусть встревоженно скрипит сосна!
Я соскучился в разлуке долгой.
Можешь не отвечать мне со сна,
Лишь встряхни в ответ пушистой челкой.

Дорога, небо, облака,
Туда, где был, вернулся снова.
Я восторгаюсь тобой, Литва!
Поэтому так взволнован.

Как тогда, когда впервые увидел в январе
Твой бриллиантовый наряд снежинок.
Молодость свою встретил я в Литве
Под замерзшими ветками рябины.

Прилечу я к тебе снова летом

Здравствуй, роща берёзовая! Ты уже в зелени?
Пушистым ковром полянка застелена?
Те же деревья в изумрудном сарафане,
Вновь вижу я — турист иностранный.

Помнишь, как мы рядом стояли?
Ни мороз, ни метель не были нам помехой?
Что тогда друг другу обещали?
Что прилечу я сюда снова летом...

Мне ближе амазонки Тель-Авива!

Не только оттенками кожи
Литовки совсем не похожи
На наших израильтянок,
Болтушек беспечных, смуглянок.

Литовки молчаливы,
Глаза — зеленей, чем оливы.
А губы — пьянее наливки,
И ловят они без наживки.

В любви они неторопливы,
Их любят крутые мужчины,
Но мне ближе амазонки Тель-Авива,
Как они танцуют «Хаву нагилу»!

Я приехал к тебе, Иордания!

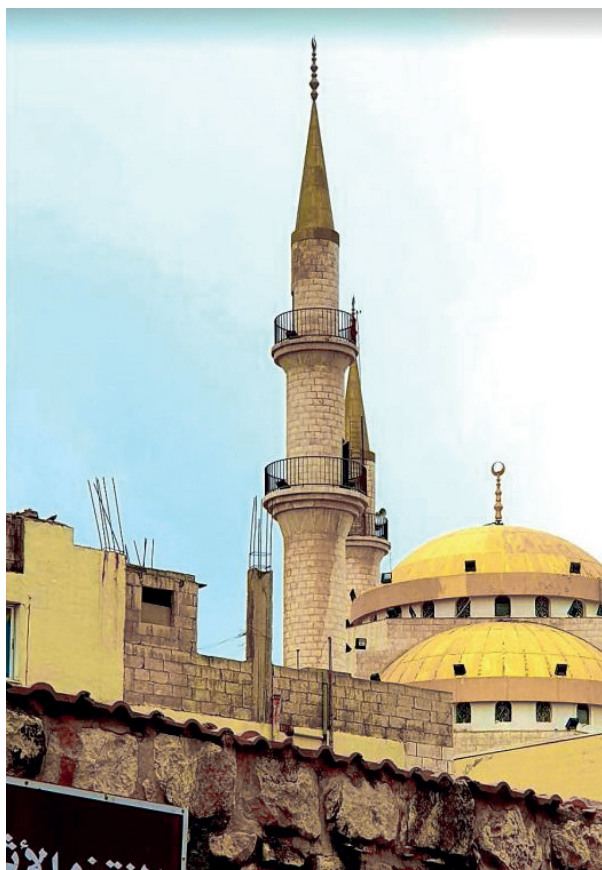
Я приехал к тебе, Иордания!
Ты в соседи нам Богом данная,
Ты и близкая, ты и дальняя,
А вот обычаи наши разные...

Иорданцам невест выбирают мамы,
Наши служат в ЦАХАЛе,
а уж потом — романы.
Иорданки покорны, скромны и красивы,
Израильтянки краше, только строптивы.

Иорданские девушки — модны, милы.
С почтением женихам подают кофе,
А невесты большого Тель-Авива
В их сторону даже не смотрят...

Арабский алфавит на зданиях твоих,
Девушки, мужчинами любимы.
Здесь дружелюбно смотрят на чужих,
И в небо тянутся такие же оливы.

Иордания, страна-соседка,
Ты покорила меня с первого взгляда!
Я на память купил арабскую статуэтку,
Привезу её жене из Аммана.

Здесь небо другое — здесь воздух иной!

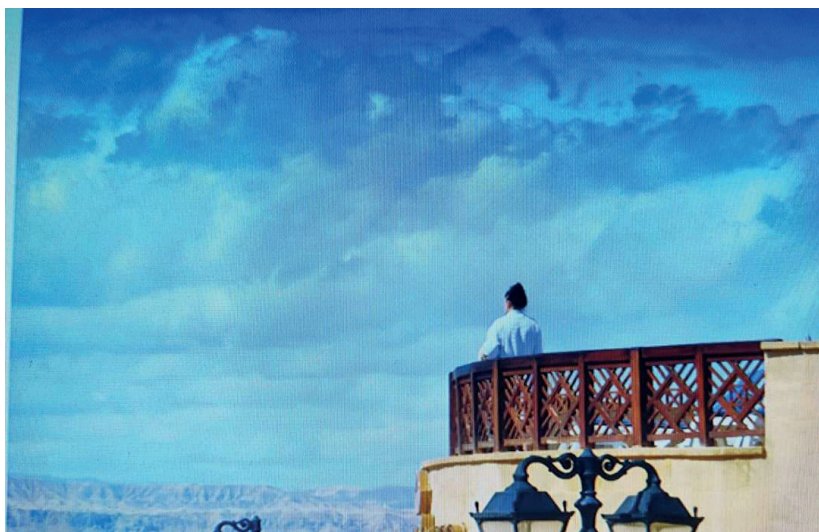
Посреди Мёртвого моря — нейтральная полоса.
За ней страна Иордания, здесь наша земля!
Там небо другое, там воздух иной!
А у Мертвого моря даже цвет голубой!

Удивительной расцветки горы, облака!
— Откуда? Из Израиля? Шалом, хевря!⁹
Мы попали в сказку? А вот и Шахерезада —
Она идет по ступенькам цветущего сада.

Восточное убранство, шикарные отели.
И какие... доступные цены!
О чём вы думаете, братья-евреи?
Не бойтесь, что туда мы отдыхать уедем?
Э-эх, торгаши — потеряете гроши...

⁹ Хевря — друзья (иврит).

Иордания! Заболел я тобой, как манией!

Иордания, Иордания!
Заболел я тобой, как манией.
А столицу твою — Амман —
С утра укрывает туман!

Здравствуй, Джераш!

Древнейший из древних городов — Джераш,
На воротах его — арабская вязь.
Два с половиной тысячелетия аж
Не исчезает с ним давняя связь.

Дети здесь играли в тряпичный футбол,
Храм Артемиды спасал от всех зол,
Цветы разводили, чтоб цвёл Джераш,
И так, как сегодня, пекут тут лаваш.

А что сегодня Джераш показывает миру?
Только древние постройки времен Рима?
Хаотично разбросаны жилые кварталы —
Нет такой фантазии, с которой строили римляне.

Петра — седьмое чудо света!

Э-эх, закажу я дилижанс до самой Петры!
По красному каньону мой путь пролегает.
Гуляй, гуляй в горах, ветер!
Под бричкой дорога убегает, убегает...

Здравствуй, Храм, седьмое чудо света!
Кто тебя сотворил: люди или Боги?
Далеко, далеко улетаёт мое эхо,
Эль-Хазне, ну почему ты такой безмолвный?

Золотая Петра в Иордании
Для туристов — страна желаний!
Ты вернулась из времен далеких?
Надоело быть в горах одинокой?

Иорданская королева! Расправила крылья,
Как прилетевшая орлица из пустыни?
А я к тебе приехал из Иерусалима,
Есть такой город — древний и дивный!

Краснокаменная сокровищница!
Сколько пота здесь пролито, сколько крѳвищи!
Время промчалось табуном встревоженным.
Смотрю на Петру я взглядом восторженным!

Иорданка — не труси́ха!

На горячем скакуне — девушка-арабка.
На улице — зима. Ей немного зябко?
Видно, что молода, стройна она.
Обуздает ли быстрого коня?

Скакун пока нетороплив —
Ослаблен поводок.
Как только щелкнул объектив,
Увидел я прыжок!

Поводырь остался в сторонке,
Скакун помчался по дорожке. Да-а!
Иорданка — не труси́ха!
Оставь телефончик, наездница лихая.

Парень совсем не пижон!

...Понуро голову опустил осёл,
Ему надоели пыльные камни и горы,
А хозяин примостился на земле
И ведёт по телефону разговоры.

А может, отправляет друзьям фото?
Сообщает, сколько заработал вместе с ослом?
Работать им сегодня жутко неохота —
Прошедший день был, видимо, тяжёл?

Но юноша — совсем не пижон! —
В семье погонщика был рождён,
Как дед его, отец и старший брат.
Туристы — их главный электорат!

Вы наши соседи? Из Иерусалима?

Жёлтые камни — древность седая!
Молодой иорданец стоит, улыбаясь.
В руках чётки, на голове куфия.
— Вы наши соседи? Из Иерусалима?

— Как догадался? Иврит немного знаю.
Есть кольца, браслеты? У меня их покупают!
В Петре впервые? Там замок красный!
Седьмое чудо света! Вы с этим согласны?

— Да мы и не спорим! Давно всё известно!
— Пойдём со мной, покажу красивое место,
Там горы красные — сделаешь фото классное!
Кстати, как твоё имя? Меня зовут Амин.
— А меня — Ефим.
Весело улыбнулся арабский парень,
Куфию¹⁰ на своей голове поправил...

¹⁰ *Куфия — мужской головной платок, популярный в арабских странах.*

В самом центре Мадрида!

В самом центре Мадрида
Моё сердце вдруг защемило:
Увидев сувениры из России,
Я не смог пройти спокойно мимо.

Синими майками, футболками
Завалены центральные полки.
Гляжу — знакомое лицо!
Внизу — пасхальное яйцо.

Разноцветные подружки-матрешки,
Словно сиротки, сгрудились на панели.
На старомодных русских босоножек
Иностранцы так и не налетели.

Испанцы не толпятся возле лотка,
Никому не нужен товар из России.
Я бы купил своей маме платок,
Но ей в нём будет жарко в Тель-Авиве.

Пригорюнились красавицы-матрешки,
Видно, угадали во мне земляка?
Где-то рядом пиликала гармошка.
Думал, что с Россией нить оборвал я,
А она, смотри-ка, ещё жива?

Мне матрёшки молча подавали знаки,
Словно просили увезти из чужой страны.
И не был бы я Ефимом Златкиным,
Если бы не почувствовал за собой вины.

Возьму-ка я с собой разноцветную матрёшку,
Поставлю деревянную красавицу на окно,
Может, она покажет мне дорожку
В детство улетевшее моё?

А-ах ты, Малага, Малага!
на песенный мотив

А-ах ты, Малага, Малага
И твой дивный причал!
А ты, палуба, палуба,
Подожди, не качай!

Город танца фламенко
И боя бедных быков,
Город Пабло Пикассо
Пришел к нам из давних веков!

Я стою на палубе белой
Двухмачтовой нашей каравеллы.
Из волшебного ящика мага
Выплывает в тумане Малага...

Рифы Тенерифе

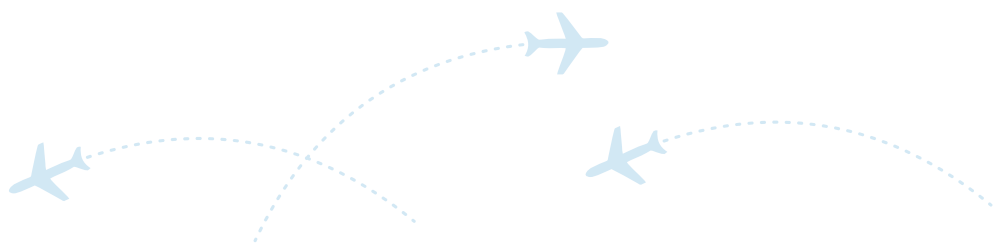
Спят вдали застывшие вулканы
Там, где море, там, где край земли!
Встречайте нас, фантастические Канары!
Неужели и сюда мы доплыли?

Здесь, на далёком Тенерифе,
Где изумрудные равнины и горные рифы,
Две острые гряды встали на моём пути.
Как от девушки, я взгляд от них не мог отвести.

Так и стоял у подножия вулкана,
Не зная, который из них сильнее:
Тейде, что застыл уже веками?
Или тот, что воспылал в груди моей.

Я ухожу вверх по дорожке,
Рифы зовут меня страстно,
Продолжая дальше тревожить.
Своим миром — вечным и прекрасным!

Здесь горы начинаются с цветов
И уходят в бездонное небо.
Раньше я никогда не писал стихов,
Потому что на Тенерифе не был!

Что сказать тебе, моя дорогая Аня?

У подножия застывшего вулкана
Вдруг закружилась сильно голова.
Что сказать тебе, моя дорогая Аня,
Какие найти мне нужные слова?

У нас дома — море.
А здесь — океан!
У нас дома — пальмы.
А здесь — ураган!

Ты одна в далеком Средиземноморье.
Я один между небом и землей.
Так мне хочется тебя увидеть скоро.
Вот вернусь, и снова мы будем вдвоём!

Всего полдня полёта!

Марокко, Марокко!
Всего полдня полёта!
Дверь в сказку я открываю
И, поверьте, многому удивляюсь.

Узеньким улочкам Феса,
Древним площадям Марракеша,
Синим городам в высоких горах,
Синагогам в бывших еврейских местах!

Здесь кинжал вонзили в мой народ,
Что жил тут из рода в род.
За гетто на этой земле
Столичный Фес предали хуле.

Но потекли деньги Марракешу —
Район еврейский Эль Меллах
Из праха подняться должен спешно:
Так велел королю Аллах.

И сообщаю, правды ради,
Король Марокко — Мохаммед,
Он в Марракеше, славном граде,
Своим антисемитам дал ответ!

И в Касабланке перемены —
Есть синагога. Есть музей.
Вот только жаль — всего евреев
Осталась тысяча семей...

*На арабских скакунах
здесь меня встречали*

На арабских скакунах Здесь меня встречали.
Зазевался ли Аллах? Или в лицо не узнали?
Такой почётный караул мне и не снился?
— Да это не тебя! Ты раньше здесь видно появился?

Как будто никуда не уезжал

А я как будто не уезжал,
Опять спешу на восточный базар.
— По Марокко даже скучаю!
— Садись рядом, израильтянин!
Мой старый знакомый, покуривая кальян,
Наливает мне ароматный чай.

Вечер, древняя площадь Марокко

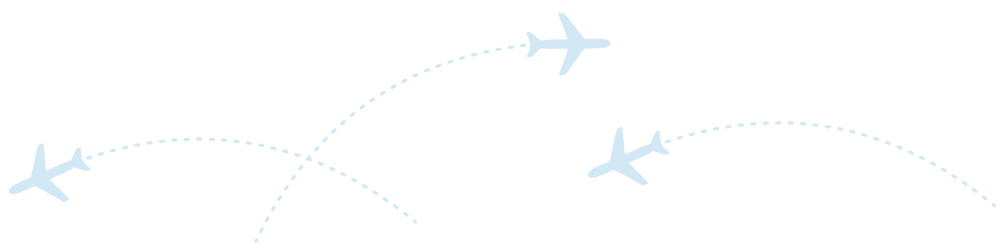
Вечер, древняя площадь Марокко,
Палатка с портретом короля,
Я — на арабском Востоке!
От всего здесь просто в шоке!

Шумит и бурлит в Марракеше базар:
Браслеты и кольца, и нардов азарт,
Чайные, кафе и духаны,
Глашатаи бьют в барабаны!

Волшебники, колдуны и заклинатели змей.
Да-а! Это зрелище не для слабых людей!
В рыбацкой деревне возле столицы
Живут берберы — они красивы, смуглолицые.

У них, как и у нас, позади — века!
— Заходи! Откуда ты? Издалека?
— Мы и древние евреи из одного корня?
Может быть? В жизни всё возможно...

Обжигает марокканский кофе,
Фрукты, сладости на столе.
Я говорю им: «Тода, тода, йофи, йофи!»¹,
А бербер всё подкладывает орешки мне.

¹ Спасибо, спасибо, здорово, здорово!

В банном халате

В Марокко возле городского банкомата,
Стояла славянка в банном халате.
Мчались машины, люди шли,
Мужчины взглядами спину ей жгли.

Не в Москве, Лондоне или Париже —
Но в Марракеше такую картину увидеть?!
Женщина как ни в чём не бывало
Халатик банный свой поправляла.

Смотрели и смотрели на нее прохожие,
А она всё светила белой кожейю.

И зазвучала музыка в Марокко!

На коврике в Рабате
Сидит восточный маг.
Одной струной играет
Лениво, абы как.

Так бы и дальше сидел одиноко
Уличный музыкант арабского Марокко.
Но присела к нему туристка из Европы
И... зазвучала настоящая музыка Востока!

Музыкант запел, а его бандура заиграла,
Смуглые пальцы пробежали по струнам.
Мелодия даже затанцевала!
Простой марокканец стал магом, колдуном?

О! Женщина! Ты сотворила с ним чудо!
Даже сама того не ожидала?
Восточный маг тобой был разбужен!
Не зря в Рабате вам рукоплескали?

Музыкант извлекал такие звуки —
Ведь не гений и не чародей?
Но он смотрел на женское лицо и руки,
На глазах и сам всё более молодея.

Продавец — смуглый хитрец!

Кричит продавец: «Мар-ракеш, Мар-ракеш!»
Такой обаятельный смуглый хитрец!
Такой же, как Моше из шука «Кармель»!
Весело лопочет, но смысл понятен:

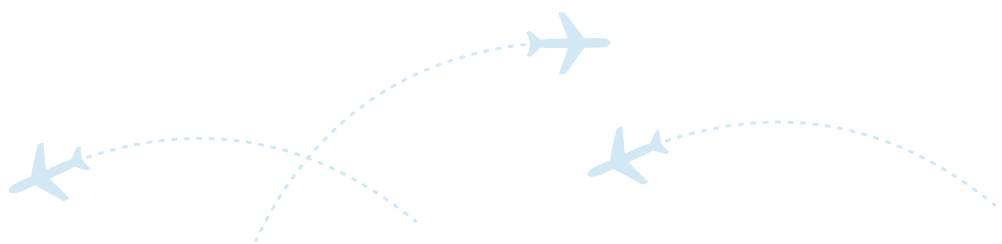
- Денежек не жалеЙ!
- Ани́! Ани́ мевакéш!
- Бишвилі кова́!
- Еш леха́ ахитова́?²

² Я! Я прошу!

Шляпу для меня!

У тебя самая лучшая!

Ох, как меня удивили
Весёлые туристы из Тель-Авива!
Все купили у продавца по шляпе.
Одни — себе, другие — мамам, папам.
Я вспоминаю Марракеш и... Марокко,
А моя белая шляпа на полке лежит одиноко...

Красивая ты, иностранка!

— Красивая, ты иностранка!
Что ты хочешь увидеть сейчас?
А я вот простая марокканка,
Милая, не проходи мимо нас!

Откуда ты? Из Европы?
Такая важная и видная госпожа!
Мне бы твои заботы,
Тогда и я могла бы далеко разъезжать.

Знаешь, меня влекут неведомые миры,
Хотела бы увидеть ваши реки и города
— Где я живу? Недалеко от Иерусалима —
Там моя земля!
— Купи, купи браслеты!
Может, дома вспомнишь меня?

В Касабланке даже воздух сладкий

Ну, здравствуй, Атлантический Океан!
Давненько я тебя не встречал!
Твои ленивые волны по-прежнему красивы,
На пляже вновь туристы из Лондона, Парижа?

Моему удивлению нет предела!
Берег заполнили люди загорелые?
На африканском континенте — в Касабланке —
Пляж, бассейн — всё по высшей планке!

Легкий ветерок доносит Океан,
Волны дарят нежную прохладу.
Много чудес на земле я повидал.
Но в Касабланке даже воздух сладкий!

Марокканка-синеглазка!

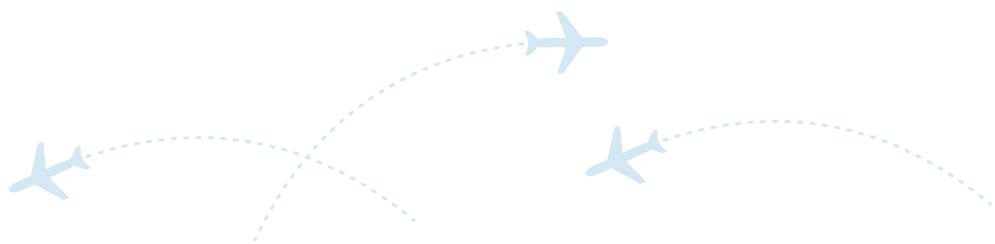

Девушку арабского Востока
Повстречал я в королевстве Марокко —
Огненный взгляд, черные волосы
И такая нежная, такая хорошая!

Марокканка-синеглазка!
Подаришь мне свою любовь?
Чтобы я был с тобой без остатка,
Возбуждая свою плоть и кровь!

Ну что с того, что я сед и не молод?!
Не скрою — я из страны чужой!
Но ещё удержу коня за повод
И буду любить тебя, как никто другой!

Песня «Яфа шели³» взлетела над Марокко,
Она тебя не трогает — ты уходишь вдаль.
Понимаю: я для тебя не свой, далёкий!
Ещё миг — и скроется твоя чёрная шаль.

³ Яфа шели — моя красавица.

Марокканский эликсир

Марокко! Поделись своим эликсиром!
Отчего мужики твои до старости в силе?
— Мы деревья для них посадили,
На них орешки растут не простые!

Наши козлики их едва лишь вкусили,
Посмотри, как на ветви быстро вскочили!
Вдруг стали такими быстрыми и резвыми:
А к своим козочкам — особенно нежными!

Мы это заметили — и после отжима
С орешек готовим масло золотого разлива!
От него у старцев могучи, как в юности, спины,
— Оно их делает молодыми?
— Да! И... без помощи медицины!

— Ривка! Думаешь, это масло — панацея?
— Возьми! Оно подойдёт твоему Моисею!
Жительницы Тель-Авива —
Лея, Авиталь и Авива —
По пять бутылочек его прикупили.
Марокканский бальзам —
для всех незаменимый!

Благодарят за покупки африканки:
— Молодость покупаете у нас, израильтянки!
Смеются за старыми корзинками:
— Будут теперь у вас мужики, а не мужинки...

Жди меня, Марокко, снова!
Заканчивается и у меня масло аргановое!

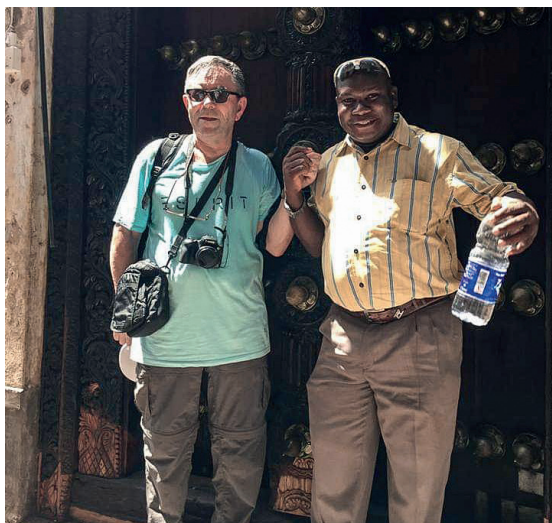
Бывай, синеглазое Марокко!

Бывай, синеглазое Марокко —
Яркая жемчужина арабского Востока!
На прощание угощали нас сладостями и чаем,
Чтобы не скучали! Чтобы опять приезжали!

И всё говорили: «Евреи в Марокко теперь не гонимы,
Сколько веков мы с вами вместе жили!»

Иосиф пел «Иерушалаим шель захав»

— Дай мне руку, Иосиф из Занзибара!
И расскажи о своей стране!
А он всё песни на иврите распевает,
Приглашая нас в увлекательное турне!

Где мы с ним только ни побывали!
Какие чудеса он только ни показал!
Но запомнилось, как в Индийском океане
Иосиф пел «Иерушалаим шель захав»¹.

¹ Иерушалаим шель захав — золотой Иерусалим.

А в Занзибаре евреев не искали?

— Мы слышали, что в Тель-Авиве,
Евреи из Эфиопии зажили счастливо!
А у нас, в Занзибаре,
Вы евреев не искали?

Разве мы хуже эфиопов?
Может, Израиль за нас похлопочет,
Как за наших бывших соседей!
Дай Бог, и мы к вам приедем!

— Что ж, девчонки, — отвечаю, —
Чем могу, тем помогу,
Мы евреев привечаем.
Вы — еврейки? — я шучу. —

Красотки из Занзибара,
Вам своих мужиков, что ль, мало?
— Да, нет! Просто интересно,
Как живёте, какие поёте песни?

— Вы здесь на острове нужны!
Кто будет повышать население страны?
Смеются девчонки Занзибара,
А мы — обратно домой улетаем!

На острове чудном

На острове чудном, на Занзибаре,
Мужчины гуляют без галстука и пижамы,
Но очки такой известной фирмы,
Что даже нам стало завидно!

Короткие шорты, загорелые плечи —
Чем не ухажеры для вечерней встречи?
Шоколадный цвет кожи,
На нежных европейцев совсем не похожи!

Знают толк в любви островитяне!
Куда до них измотанным горожанам?

Европейские изнеженные дамы
Крутят с местными ловеласами романы.
Не перечислить здесь заманчивой экзотики
Для нежных белых «тётенек».

Посвежевшие романтичные дамы
После отпуска улетают из Занзибара.
Сколько любви на острове посреди океана!
Были бы только доллары в карманах!

Меня туземки приглашали в ресторан

Меня туземки приглашали в ресторан,
В здание без окон и с бамбуковой крышей.
— Может быть, ты бы ещё друга своего позвал?
Или ты нас совсем не слышишь?

Друга своего я не позвал,
Девичье приглашение не принял —
Не ради этого я приехал в Занзибар! —
А девушек угостил южным апельсином.

Мы смеялись, ели фрукты из моей сумки,
Девушки без стеснения сверкали глазами.
Они думали обо мне, как о недоумке,
А я — о несостоявшемся африканском романе.

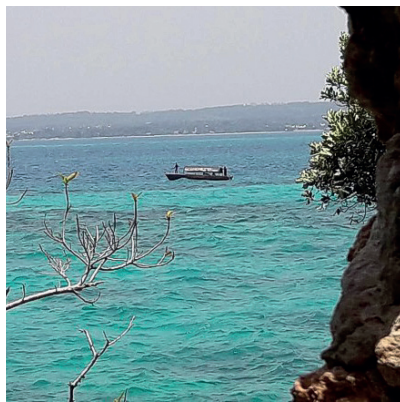
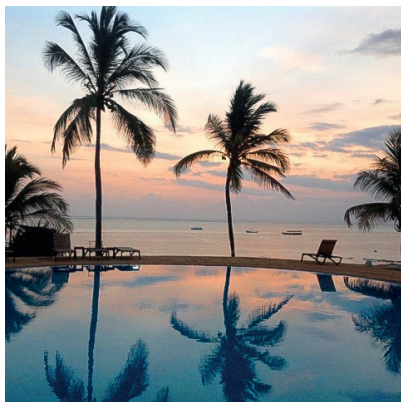
Дрова трещали, костёр пылал

Дрова трещали — костёр пылал!
Туземцам Бог гостей послал.
Колдун старался, барабанил,
Лохматый музыкант играл на гитаре.

Музыка, песни и танцы меня пленили,
Ничего похожего я не видел в Тель-Авиве.
Моё бунгало меня напрасно ждало
На белом берегу Индийского океана.

Ты — волшебство, Индийский Океан!

Ты — волшебство, Индийский океан!
Изумрудные краски не дают мне покоя.
А твой остров-архипелаг Занзибар
Пленил меня своей красою.

Здесь сахарный коралловый песок
И фантастические отливы и приливы.
Колониальный тихий городок
Общается на иврите с гостями из Иерусалима!

Воины-масаи подмигивают мило,
Узнав, что мы приехали из Тель-Авива.

Но более всего меня на острове удивил Вай-фай,
Когда в Израиль я позвонил.
Плыли мы на лодке в Индийском океане.
В ответ мне позвонила жена Аня.

Занзибар — другая планета!

Прощайте, белые пески,
Смелые рыбачки и рыбаки,
Волшебные приливы и отливы!
Таких, как здесь — больше нет в мире!

Занзибар остался на другой планете.
Она — не роскошная: она другая.
Но часто мне снится остров на рассвете
И мои новые друзья — масаи!

Гнал волны Индийский Океан!

Гнал волны Индийский океан,
На берегу плясали ряды бунгало.
Каждое утро меня с улыбкой встречали
Вот такие воины-масаи!

— Привет, привет, ребята!
Запечатлел я их фотоаппаратом,
От удивления едва дыша —
Раскланиваемся не спеша!

— Джамбо! Джамбо! — они поднимали руки,
Позванивали разноцветные браслеты,
Океан издавал глубинные звуки,
А на острове в январе начиналось лето...

На босу ногу, с ведром на голове

На босу ногу, с ведром на голове,
Женщина в свою хижину спешила.
Она не знала про Лондон и Париж на земле,
Зато знала, что есть рыба после отлива!

Островитянка заросли крючком раздвигала,
Добычей медленно наполняла ведро,
До прилива всегда убежать успевала,
Не забывая прихватить своё добро.

Зачем Париж и Лондон розовой матрёшке?
Ей бы лучше ведро мелкой рыбёшки!
Но, увидев у меня фотоаппарат,
Она выдала настоящий русский мат!

В платье красном, молодая

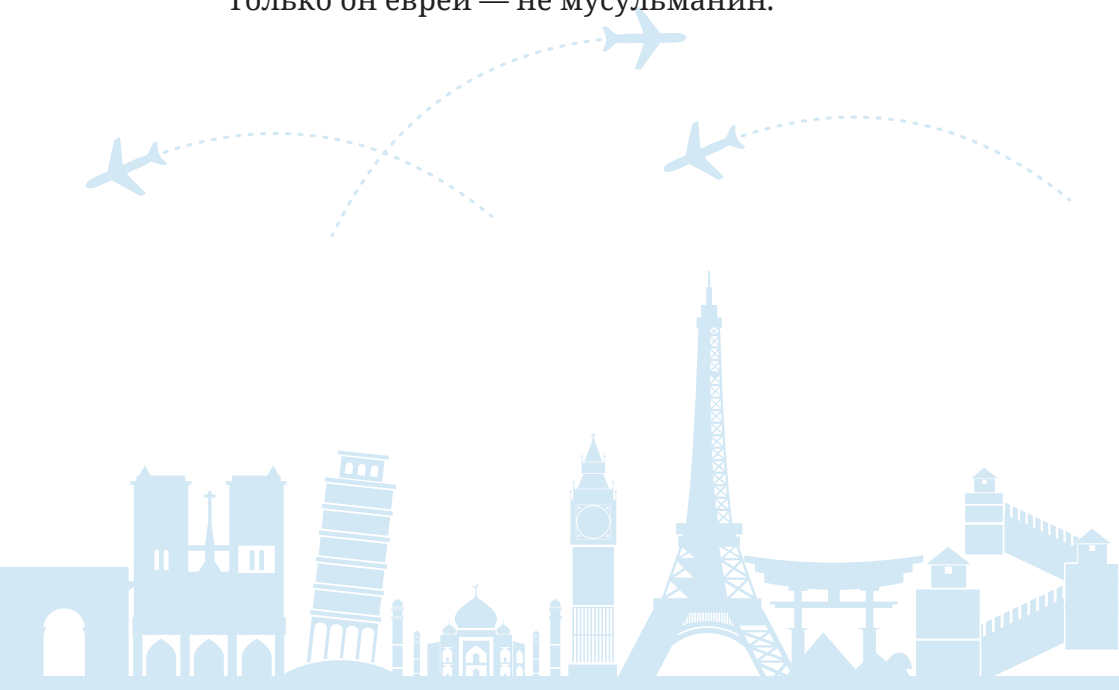
Я вернулся из Занзибара,
Разбираю старые архивы.
Вспоминаю, как девушка возле скалы стояла,
А её глазами раздевали местные мужчины.

Своим взглядом она и меня остановила —
Только что глоток воды отпила.
В платье красном — молодая!
В тени кого-то долго ожидала?

Глаза её девичьей тайной горели,
На губах застыла соблазнительная улыбка,
Но рядом не находился парень смелый.
И тогда она посмотрела на... туриста.

А я, приехавший из ближневосточной дали,
Совсем не был готов для романа.
— Красавица! Ты мне лучше попозируй,
И тебя увидят в Иерусалиме!

Улыбнулась тепло островитянка,
Посмотрела вдаль влажными глазами.
— Хочешь, познакомлю тебя
с моим другом Абрамкой,
Только он еврей — не мусульманин.

Девушке из африканского племени

Девушке из африканского племени
Не нужны высокие материи.
У неё задача скромна и проста —
Убирать в бунгало всё дочиста!

Босиком, по камушкам и траве,
Бродит она с ведрком
Мечтая о своей семье.
Занзибарка — та ещё фантазерка!

Дай хлеба или баранка

На берегу Индийского океана
Мальчишки гоняли мяч рьяно.
Солнце слепило глаза,
Белый песок был белым и горячим.

Нападающий дерзал,
Мечтая быть известным и богатым,
Как Пеле, Диего Марадона —
Яркие звезды футбольного поля.

Увидел меня — с рюкзаком иностранца —
Подбежал: «Дай хлеба или баранка!»

Я называл тебя Пятницей

Помнишь? Я называл тебя Пятницей,
Хотя ты понимал меня и без слов.
В пальмовой роще ты так умело прятался,
Что я даже не слышал твоих шагов.

У тебя боевая накидка воина,
И добрые теплые глаза.
О Занзибаре столько песен сложено,
Помнишь, как мы пели их с тобой у костра?

Драконы в Пекине

У Храмов — драконьи хвосты.
Чудовища улеглись на песочке.
В небо подняли хищные хвосты,
Нарядившись в новые «сорочки».

Причудливые контуры зданий,
Напоминающих древних драконов,
Увидел я в миллионном Шанхае
И восхитился архитектурой новой!

Там, где были пустыри и стаи грызунов,
Где жизнь замерла на столетья,
Во все стороны вертел я головой
И не мог скрыть своего изумления!

Космические ракеты — на краю света?

Небоскрёбы похожи на космические ракеты,
Башни немислимого цвета и формы.
Чтобы увидеть Китай, я летел на конец света.
Обратно возвращался — ошеломленный!

Кто древнее: китайцы или евреи?

В Китае фантастика опередила время,
Полёт мысли перешагнул века.
— Что можно китайцу, нельзя еврею? —
Думал я. — Нас мало или... кишка тонка?!

А мудрее кто из нас?
Кто в науках больше ас?
Не будем уточнять, кто древнее:
Китайцы или мои предки евреи?

Мы и они дали много миру:
Порох, бумагу, компас и Мессию,
Шёлк, фейерверки, Адама и рай,
Ещё не забудем Эйнштейна и чай.

Купол железный, Конфуция, гонг,
Книги печатать и складывать зонт,
Тору, Колумба, Сохнут, алию,
Домну — чтоб было сподручней литью.

Шрифт для печати, для книг — переплёт,
Фрейда, Спинозу и «Ми»-вертолёт,
Рембрандта, флешку, Шёлковый путь...
И до сих пор не устали ничуть!

Красные полотнища — не дань моде

Красные полотнища — не дань моде,
Новому дню они не помеха.
Древние Храмы сохранив для народа,
Китайцы в глобальном мире многих объехали!

Вот вам и социализм с коммунизмом вкупе!
А двадцать лет назад зерно дробили в ступе.
На красном полотнище лоскута,
Видимо, цель нового маршрута?

Китайка продавала цветы

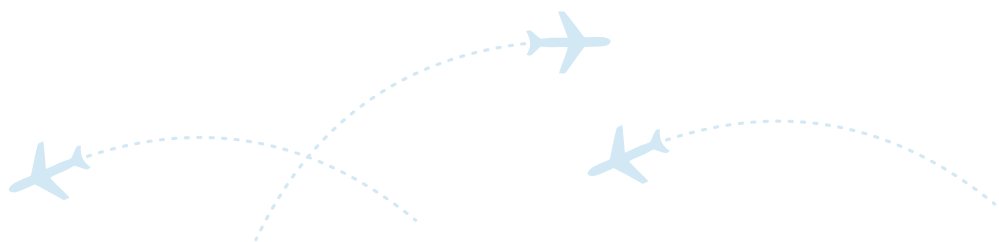

К торжествам приготовив цветы,
И сама в нежно-розовом цвете,
Коротает девчужка часы,
Больше думая о своем бюджете.

Предложили продавать ей корзинки,
Покупателей на улице — мало.
— Заработать бы себе на ботинки!
Или купить новый халат маме?

Знает китайка-цветочница,
Что жизнь совсем не цветная.
Я понимаю её без переводчика,
Хотя прилетел из другого края.

Я купил цветы в корзине
И подарил их милой продавщице,
Не сказал, что из Тель-Авива,
Но за это вы с меня не взыщите...

Дама любила Мао

Эта почтенная дама
В юности любила Мао —
Старушка не плавает мелко.
От холода у неё шапка и грелка.

— Я видела в Шанхае Луноликого, —
Старая китайка вдруг смешно захихикала.
Рассказывает «большевичка юная»,
Как выступала с трибун она.

С обличьем, конечно же, лунным,
И с улыбкой счастливо-безумной!
— Правда, я сейчас стара, седа...
— Ах, Мейли, Мейли!
Главное, что ты ещё жива.

Старушка греется грелкой, глаза молодо блестят.
— Жаль, что о любви я Мао не смогла рассказать...

В Шанхае помолись!

— Вы в Шанхае побывали?
— Там — знаменитая синагога!
— Вам тайну рассказали,
Как китайцы евреев спасали от погрома?

Лай нацистских собак и погоня
Привели их в далёкий Шанхай.
И страна водяного дракона
Сказала: «Евреев защитит Китай!»

Беженцев ждали лагеря, расстрелы —
В большом мире мало друзей верных,
И среди них китайцы — народ древний,
Такой же, как и мы, евреи.

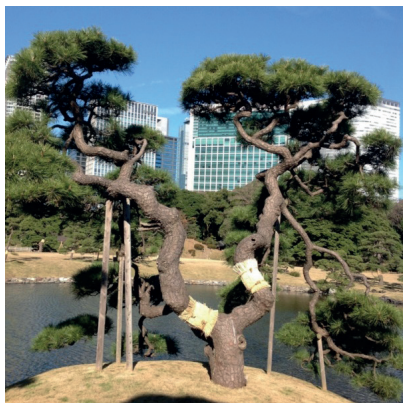
Оправившись после побега,
Евреи рядом с китайцами стали жить,
Растить молодые побеги
И семьями с соседями дружить.

Ни одного еврея в Китае не расстреляли.
— Скажите, а вы об этом знали?
А на семисвечнике в шанхайской синагоге
Вдруг заплясали фигурки спасенных!

Двадцать тысяч евреев со всей Европы
Пережили в Шанхае страшную войну.
Китайцы с евреями словно были в одном окопе.
За выживших я в этой синагоге помолюсь...

Моя фотоода

У меня японцы спросили: «Ты — профи?»
Тогда сделай о Токио говорящее фото!
О союзе города, людей и природы.
Вызов принят! Вот — моя фотоода!

В японцах я увидел инопланетян.
Они словно прилетели из космических далей?
Вы знаете, давно уже длится здесь роман,
На первый взгляд, довольно странный?

Для гармоничной жизни человека
Лечат старые деревья, не отводят мелкие реки.
И многоголосый шум городов-гигантов
Заглушают громадные зеленые парки!

Гейши в Киото!

— Ты хочешь увидеть гейшу? Езжай в Киото! —
Помню, как сказал мне кто-то.
За цветными занавесками в тихом квартале
Японские прелестницы нас радостно встречали.

Все ими восторгались, а я непрерывно фоткал.
Они были бесподобны — азиатские красотки!
Какие улыбки они нам излучали!
Сколько подвигов мужчины во имя их совершали!

Они совершенны, как богини!
Грациозные, как лани!
Японские гейши! Теперь вас увидит Израиль!

Японцы поют на иврите

В Японии звучат не только симфонии,
Здесь поют красиво на иврите!
В ответ слышу: «Не верим! Подтвердите!»
«Тогда еврейский центр в Киото навестите!»

Приятней, чем хорал!

Японцы пели на иврите:
— Иерусалаим шель захав!..
И это, что ни говорите,
Для нас было приятней, чем хорал.

Женщина с раскосыми глазами

Женщина с раскосыми глазами
В шелковом японском кимоно
В уголке на палубе мечтала,
Словно не видя вокруг никого.

Посмотрела на меня, расставаясь с печалью,
Я же всё глядел на её кимоно.
— Кто ты? Я здесь тебя не встречала!
— А вот я люблюсь тобой давно!

Ты как будто бы с иной планеты
Прилетела поразить меня.
Как, тебя узрев, не стать поэтом?
И на миг представить, что ты — моя!

Как не по-земному ты красива!
Тонкий стан и смуглой гроздью грудь.
А над палубою месяц дивный
Шепчет мне: «Остынь, а её забудь, забудь...»

Любовь придёт — всему свой срок,

— Японка, японка! Тебе лет сколько?
— Я юна, как виноградная лоза!
— А интересно мне узнать:
Премудрости любовной страсти,

С каких годочков постигать
Японцам можно? Хоть отчасти?
— В тринадцать лет, — мне был ответ. —
Подросткам лучше жить без бед.

Поверьте, это знание —
Чтоб жить без наказания.
Любовь придёт — всему свой срок.
Сперва пусть выучат урок!

У подножия Золотого храма

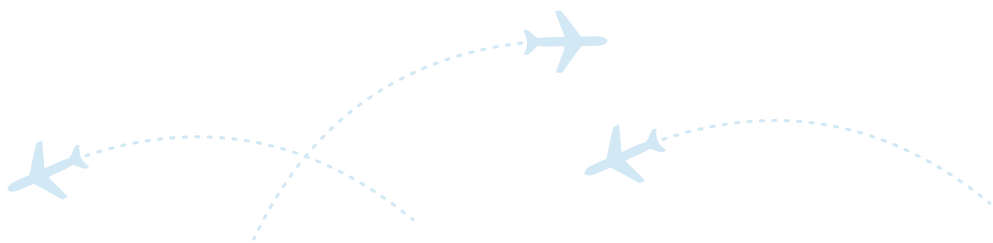
Золотой храм парит в облаках,
Золотым светом сверкает в водоёме.
Я прилетел в Японию издалека,
И что вижу: явь или сон бредовый?

Монах-фанатик сжёт Храм дотла —
От красоты его лишился он рассудка?
Смыли золу, Храм очистили от зла
И презрением наказали ублюдка.

Сегодня Храм опять в озеро льёт свет.
Жизнь эфемерна, как сакуры цвет,
Состоит из печальных и радостных вестей.
Смотрю на ожившее Диво —
и мне на сердце светлей!

Вновь, как расцвел японский сад!
Изящные дорожки, пруды, фонтаны.
Я готов здесь от радости плясать.
В Киото рай? Да! Да! Рай Обетованный!

Японцы сотворили у себя чудо —
Не на божественной — на простой земле!
Вернусь домой, расскажу людям,
Что краше Храма есть только сакура!

Белоснежка! Ты из каких краёв?

- Белоснежка! Ты из каких краёв?
- Там, где много снега и не растёт хурма,
Но в стране, где живёт любовь!
- Вот почему ты так хороша!

Только что я вернулся с неземной орбиты:
Многоярусные дороги, насыпные острова!
А в двух шагах от меня дремал мир скрытый,
От цивилизации он далеко не убежал?

На рисовых полях — новые побеги,
Возле стен — крестьянские телеги,
Острроверхие сельские крыши.
О такой Японии в Токио я не слышал.

*Созрела в Японии хурма
на мелодию песни*

Созрела в Японии хурма,
Как девица красная!
Пока девушка не жена,
Она — самая Прекрасная!

А потом? Сыр-бор,
Ёлочки до сосенки.
— Когда ухаживал за мной,
Ходил, как по иголочкам?

А теперь — я не та и делаю не это?
Ох ты, женская судьба:
Стирка да котлеты.
Расцвела в саду хурма,
Подросли девчушки.

Где летает их судьба,
В Токио или в деревушках?

*Летели в Токио!
Оказались на Голанах?*

Снег не в Канаде и не в России,
А в Японии, что меня удивило!
Морозец знатный, ресницы заледенели!
— Я не верю, братцы! Куда мы прилетели?

Белые дома, деревья, дороги,
По самые крыши сугробы, сугробы.
Ну и дела!
Япония — загадочная страна?

Туристка Лиора из Иерусалима
Снежную бабу с мамой слепила.
Поиграли в снежки, стала румяной:
— Летели в Токио! Оказались на Голанах?

Солнечные дети

Известно, японская нация очень любознательна!
Как никакой, ей присуща тяга к новациям!
Малышня здесь растёт без капризов,
Родителям не преподносят никаких сюрпризов.

Дети живут в любви, без нажима,
Не мучают их суровым режимом.
Пока не стукнет один раз по пять,
Никто ни за что им не будет пенять.

Такая в стране этой древней традиция —
Не путать семейство и дом с полицией.
В стране — солнечные дети!
Я за ними наблюдал — они не заметили.

Прощай, страна гейзеров и вулканов!

Прощай, страна гейзеров и вулканов,
Скоростных дорог, дворцов и Храмов,
Ты — чудо из семи чудес,
Ты — тайна под парчой завес!

Ты удивляешь с первого мига,
По тебе я буду грустить в Иерусалиме.

В Таиланде всё иначе

— В Таиланде всё иначе, —
Говорил мне мой приятель.
Вот и здесь в первый раз я.
Плохо было раньше разве?

Да! Я не был в Таиланде,
И очень спокойно жилось.
Писал стихи на веранде
И легко... спалось!

Но вдруг, видимо, не зря
Позвала меня судьба
В страну по имени Таиланд:
Тай — свобода, земля — ланд.

В Сиамском королевстве
Берег чист и воздух девствен,
Пляжей белые пески,
Волны лазурны и чисты!

А на коралловых островах —
первобытные племена.
Вот рыбац на старой джонке
Обгоняет нашу лодчонку.

Машет издали рукой:
— Не угонишься за мной!

На изысканной посуде —
Экзотические блюда.
— Тайский попробовал массаж?
— Это — высший пилотаж!

Умный слон позвал меня хоботом
Я был очарован его добротой.
Нежно водил он по мне стопой.
Как массажист, колдуя над моим животом.

«Бум» и «бум» — на чёрных перинах.
Не слоны, а балерины!
Попадают точно в такт,
В поощрение — батат!

Волны мотали наш катер по морю,
По воде лазурной и чистой.
В Таиланде не ко всему привыкаешь быстро,
Но сразу — к девушкам-массажисткам.

Только и слышим ахи и вздохи
На всех улицах и поворотах.
— Плавали в открытом море?
Вместе с катером нас подбрасывали волны!

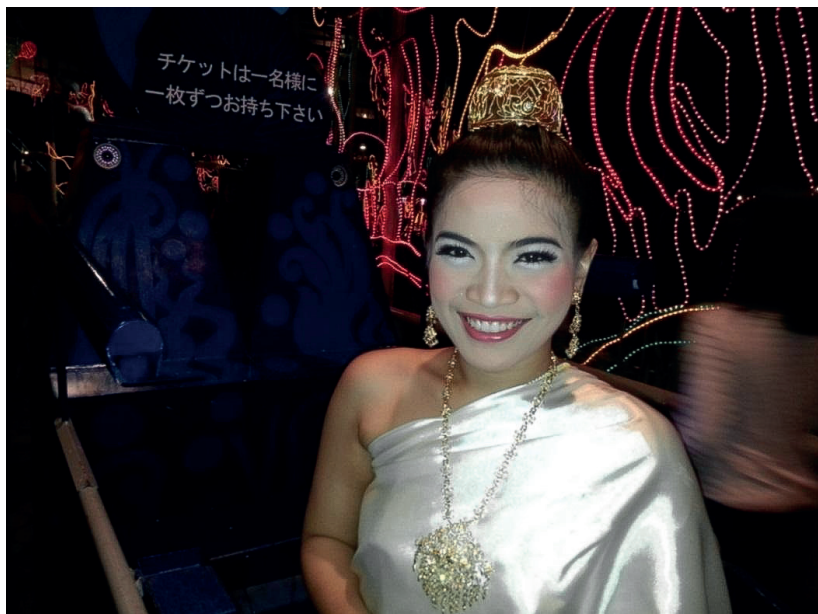
— Я только что сошел с лодки.
Больше от страха, чем от воды, мокрый.
— Мы разворачивались на поворотах, как акулы,
А у рыбака только смеялись скулы.

— Видели тамошних красавиц?
— И наши не хуже, чтобы не сглазить!
— По мне — так все женщины красивы!
— Но тайландки так страстны и милы.

Но не могу я не признать —
Что у таек глаз, как топаз!
Наступил рассвет. Пхукет.
Я присел на уличный паркет.

Морской рынок пел, плясал, торговал,
Внизу речной поток бежал, бежал.
Посетил Храм Золотого Будды!
Годы пройдут — его не забуду!

К нему плывёт людей поток,
Я вытираю вспотевший висок.
Да-а! Храм Будды — не Ленина мавзолей,
Куда идти народу давно уже лень...

— В Таиланде девушки меня ласкали взглядом.
— Ты мой хороший, как я тебе в таком наряде?
После Бангкока и Пхукета
Домой точно вернусь поэтом!

И вот последний день в таиландской столице,
Вижу огорчение на многих лицах.
Прощайте, Бангкок, Паттайя, Пхукет!
Ваши названья даже сладостней конфет.

Что ж, вслед за Пушкиным скажу:
«Я здесь гостил, мёд-пиво пил.
И ничего не забыл,
Был бы моложе — повторил!»

Солдатку видно по осанке

Солдатку видно сразу по осанке
Даже в белом платье на «гражданке».
Вдруг вспомнив службу в Тель-Авиве,
Стала в Таиланде по стойке «смирно»!

Часовой королевской стражи
Увидел в ней девушку отважную.
Вчера она жила в казарме,
А в Бангкок приехала раньше, чем к маме...

В Таиланде есть Хабад!

В Таиланде есть Хабад
И евреи тоже!
Им здесь некогда скучать!
Потому — веселые!

— Голоден? Обед готов!
Я не ждал такого.
К горлу подступает ком —
Даже здесь... я дома!

Рассвет встал над морем

Рассвет встал над морем.
Я волнам говорю с укором:
— Родные вы мои, куда спешите?
Чайки белые, а вы куда летите?

Острова и вулканы, моря, города —
Всё скоро исчезнет. И — навсегда?
Горы прощально качают вершинами:
— Ребята, не рано ли вы нас покинули?

Увижу семью, родных своих уже скоро,
Но сердце моё — в океанских просторах!

Растворилось солнце в океане
Из подслушанного

Растворялось солнце в океане,
Ночь томилась в сладостной нирване,
Лунное запястье — в облачном браслете.
Как любил я тебя до рассвета!

Горячо ты шептала ночами:
— Что же теперь будет с нами?!
А я целовал твои глаза и губы:
— Нашу каюту мы никогда не забудем!

Пока корабль не причалит к пристани,
Буду любить тебя неистово!
А потом вернёмся: я — к жене, ты — к мужу.
Я вновь стану женатым, а ты — замужней.

Я улетаю в Израиль, а ты — в Россию.
Опечалилась: «Вот и всё, милый!
Я улетаю, ты улетаешь,
Что-то ведь с тобой мы здесь оставляем?»

Ясные зори на небосклоне.
Штормы, бури, рокот прибоя,
Луну над палубой белую-белую
И... мой поцелуй первый, несмелый!

Ты же целуешь при расставании,
Никого не стесняясь, в зале ожидания.
Мне не забыть твоё белое платье —
В нём была такой прекрасной!

Стан твой гибкий и упругий.
Целуешь, целуешь прямо в губы!
А жёны целуют в щечку при встрече.
Тебе — всё можно, тебе ведь — легче?

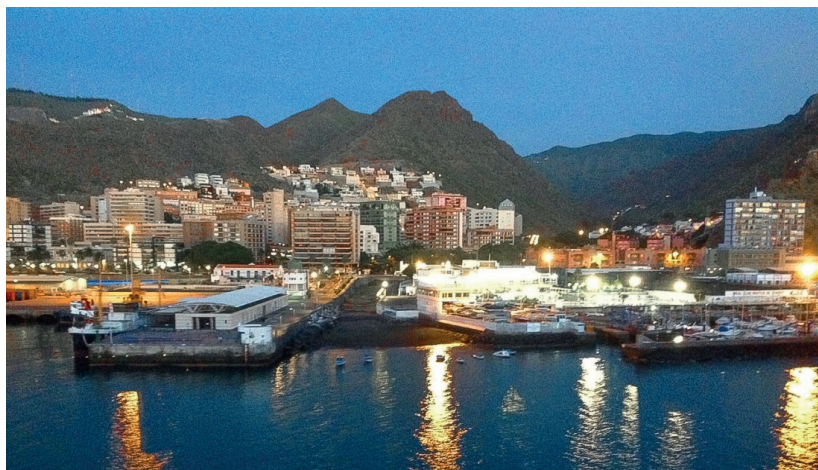

Вот и время подводить итоги,
Жаль, закончилась наша дорога —
Белый корабль стал у причала!
Всё, что было здесь , мало? — Мало!

Растворилось солнце в океане.
Чайки парят в небе разогретом.
Вот и написал я в своем рассказе,
Как любил тебя до рассвета...

До свидания, страны дальние!

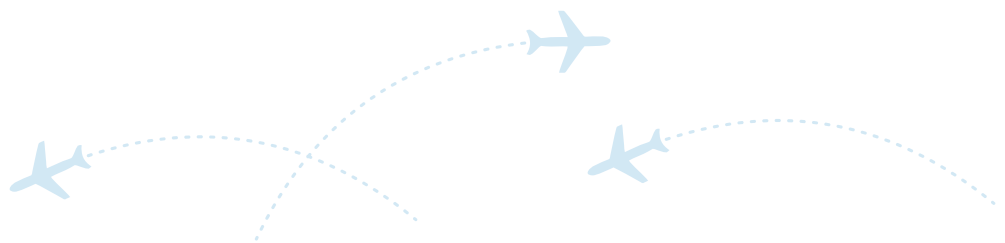
До свидания, страны дальние,
Захватывающие и такие разные!
Марокко, Таиланд, Занзибар —
Экзотика у вас зашкаливает через край.

Умница-Япония и гигант-Китай,
Вы убежали в недостижимую даль!
А ты, постаревшая матушка-Европа,
Застряла на крутом повороте?

Я возвращаюсь на берег Средиземного моря.
Здесь мой дом, здесь живу.
Люблю хамсин, дожди — любую погоду.
Свою музу вижу на каждом шагу.

Вот идёт голубоглазая солдатка,
У неё через плечо — ремень с автоматом.
В синагогах молятся евреи из Ирака, Ирана.
А в Израиль из других стран прилетают!

Моя страна! Твою жизнь нарушают тревоги,
Но без тебя миллионы не могут.

Скачет малышка по карте мира

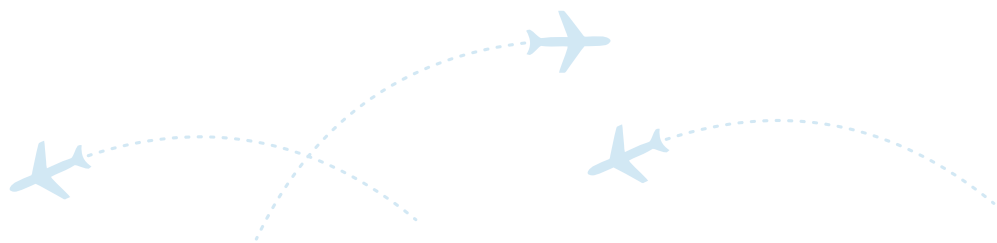

Скачет малышка по карте мира:
По рекам, морям, океанам, равнинам,
По континентам, по льдам и пескам,
Скачет по тропикам и полюсам.

И доскакала до Иерусалима,
Чья красота ни с чем не сравнима!
Так вот и я — летаю по карте,
Как Одиссей, в горячем азарте.

Много увидел и много узнал,
Правду от кривды везде отличал.
Врут об Израиле, тошно от лжи,
Может, им чести чуть-чуть одолжить?

Мало друзей, недругов много,
Нам же идти своею дорогой!
Скачет малышка в Иерусалиме.
Наш народ заслужил покоя и мира!

СОДЕРЖАНИЕ

Слово автора.....	4
-------------------	---

Из европейского цикла

Эйфелева башня — королева столицы!.....	9
Над Темзой плывёт молочный туман	11
Рауль, что передать в Израиль?	13
Жёлтые листья, как нашивки евреев	15
На «чужих» в Нью-Йорке и «своих» — в Иерусалиме.....	17
Прага, еврейская ратуша.....	18
Играли дети в венецианском гетто.....	19
Бамберг — младший брат Иерусалима!.....	20

Из болгарского цикла

Синеглазая Болгария.....	22
На снежном курорте Бански.....	23
Грустные гармоники	25
За окном — утренняя тишина	26
Синее небо, овечьи отары.....	27
София, центральная синагога	28
В Храме ярко горят свечи.....	29

Из греческого цикла

Страна трёх морей	30
Богемная элита?.....	31
Есть в Афинах чудо — смена караула	32
Эллада-царица!.....	33

Из белорусского цикла

Беларусь — страна белая.....	34
Полотна Левитана на воде	34
Кукуй, кукушка-подружка!	36
Синий закат, синий закат.....	37
На исходе лета	37
Мои зимы и вёсны	38
Из ваших мест мои деды.....	39

Из московского цикла

Рубиновые звёзды.....	40
С высоты кремлевской ограды	42
Велик ты, Булат Окуджава!	44
Шалом, Залман!	46
Бабы новых солдат нарожают.....	48
Жребий твой, Россия, холоден и строг.....	50
Конфетки-бараночки.....	52
Москва — такая разная?	54

Из грузинского цикла

Две реки — Кура и Арагви	56
В том краю-раю	57
Гордый народ!.....	59
Синеокие горянки.....	60
Грузинский стол в селе!.....	61
Наливай ещё бокал, брат Гриша!	62
Ты был таким большим, товарищ Сталин?	63
Расплескалась в небе синева.....	65
У грузинской Мамы скорбный взгляд	66
Мамуля Нануля	67
Какие в Батуми облака!	69
Веселилась шарманка.....	70
Как в кино ожили Али и Нино!	72
Есть в Грузии традиция.....	75
В Батуми не дремлют петухи	77
В батумском дельфинарии.....	79
В парке возле моря	81
С грузинами шли братья-евреи.....	83
В Кутаиси, в еврейском квартале	84
Я смотрел на грузинок, царицу Тамару искал!	85
Сгубили великое русское чудо.....	87
Батуми, ресторан «Шатели»	89

Из литовского цикла

Ну, как там Литва?.....	90
Литва! Какие у тебя дороги?	91
Чёрно-белый пейзаж за окном	92
Морозный вечер	93

Протяните мне ветви, берёзы!.....	94
Под страстный вой метели.....	96
Прилечу я к тебе снова летом	98
Мне ближе амазонки Тель-Авива!	99

Из иорданского цикла

Я приехал к тебе, Иордания!.....	100
Здесь небо другое — здесь воздух иной!	102
Иордания! Заболел я тобой, как манией!	103
Здравствуй, Джераш!.....	104
Петра — седьмое чудо света!	105
Иорданка — не трусиха!.....	107
Парень совсем не пижон!	108
Вы наши соседи? Из Иерусалима?	110

Из испанского цикла

В самом центре Мадрида!	111
А-ах ты, Малага, Малага!	113
Рифы Тенерифе	114
Что сказать тебе, моя дорогая Аня?	116

Из марокканского цикла

Всего полдня полёта!	117
На арабских скакунах здесь меня встречали	119
Как будто никуда не уезжал.....	120

Вечер, древняя площадь Марокко.....	121
В банном халате.....	123
И зазвучала музыка в Марокко!.....	124
Продавец — смуглый хитрец!	126
Красивая ты, иностранка!	128
В Касабланке даже воздух сладкий	130
Марокканка-синеглазка!.....	131
Марокканский эликсир	133
Бывай, синеглазое Марокко!	135

Из занзибарского цикла

Иосиф пел «Иерушалаим шель захав»	136
А в Занзибаре евреев не искали?.....	137
На острове чудном.....	139
Меня туземки приглашали в ресторан.....	141
Дрова трещали, костёр пылал	142
Ты — волшебство, Индийский Океан!.....	143
Занзибар — другая планета!.....	144
Гнал волны Индийский Океан!.....	145
На босу ногу, с ведром на голове.....	146
В платье красном, молодая	147
Девушке из африканского племени	149
Дай хлеба или баранка	150
Я называл тебя Пятницей.....	151

Из китайского цикла

Драконы в Пекине.....	152
Космические ракеты — на краю света?	153

Кто древнее: китайцы или евреи?	154
Красные полотнища — не дань моде.....	156
Китайка продавала цветы.....	157
Дама любила Мао	159
В Шанхае помолись!	160

Из японского цикла

Моя фотоода.....	162
Гейши в Киото!.....	163
Японцы поют на иврите.....	164
Приятней, чем хорал!	165
Урок японского языка.....	166
Женщина с раскосыми глазами.....	167
Любовь придёт — всему свой срок.....	169
У подножия Золотого храма	170
Белоснежка! Ты из каких краёв?	172
Созрела в Японии хурма.....	174
Летели в Токио!	175
Оказались на Голанах?	175
Солнечные дети	176
Прощай, страна гейзеров и вулканов!.....	177

Из тайландского цикла

В Таиланде всё иначе	178
Солдатку видно по осанке	182
В Таиланде есть Хабад!.....	183

Из морского цикла

Рассвет встал над морем	184
Растворилось солнце в океане.....	185
До свидания, страны дальние!.....	188
Скачет малышка по карте мира.....	190

Для связи:

Yafim.zlatkin@gmail.com
goldentoursefim@gmail.com

Дизайн обложки, компьютерная верстка,
печать и выпуск:
Издательский дом «Beit Nelly Media»
ул. а-Масгер 53, Тель-Авив, Израиль
+(972)-3-5610283, +(972)-54-4657509
www.beitnelly.com beitnelly@gmail.com